

СМЕНА

[908] МАРТ 1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Медяные балерины Украины покоряют зрителей

Смена 2

смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Год издания сорок второй
Выходит два раза в месяц

6

(908)

1965
МАЙ

Фото Василия МИШИНА,
текст Бориса ВОЛКОВА,
специальных корреспондентов
«Смены»

Их дела еще были обыкновенные, самые будничные. Но дыхание этой дороги врывалось в хлопоты и разговоры людей остро, тревожно. Федор Философов закрутился в гараже, допоздна проверяя «ЗИЛы», «Уралы», «МАЗы». К Леониду Хмелеву приехала жена, и он, прищипывая, где нанят ее работу, не отходя от машины; закивал антифриз в радиатор, слушал мотор, заправлял бочки горючим. Саша Новиков только вернулся из рейса, направился было сделать меховую одежду, унты; но вдруг ввязался в беседу с предстоящим выходе на зимник — интересовался, советовал, понаблюдать, высокогорный червячий механизм, не спросил:

— У тебя как «Уралы — нормальные! Сам можешь ехать!
— Ну... Если надо, так что же!
— Твоя машина с лебедкой — на вес золота в таком деле. Давай на загрузку...
Так они готовились.

А до этого из буровых контор и нефтепромысловых управлений, из долины газовых поселков в объединение «Тюменьнефтегаз» шли завяки на обустройство. Из Сургуля, Из Нефтеюганска... Это почти за тысячу километров от Тюмени по непроходимой тайге. Обустройство нужно до зарезу! А как его доставить? Ждать навигации? Долго. Самолет? Габариты не те... Огромная нефтяная цистерна Тюмени разведана недавно. Геологи все дальше уходят на север. А уже известные месторождения начинают разрабатываться. Не хватает оборудования, строительного, теплой одежды. И тогда возникла идея зимника.

Векнами стояла глухая, неведомая тайга. Редкий елочки, и с медвяным пор гуселот вступит куропатку. А тут зимник. Четыре раза пересечь Иртыш, два раза Тобол да раз Обь. Не сбиваться с визирки; обойти, где можно толь, прорубиться через заслон сосен-венюхи, осин, елей, тальника.

Решили так: пойдём до Демьянского Тобольским трактом, а там — от поселка к поселку.

вику, как Николай Иванович Антропов, замначальника объединения, вскинул ракетницу:
— В час добрый, ребята!

И пошла переликчи моторов! Колонна торжественно поплыла по главной улице Тюмени, вышла за город и на добром ходу устремилась по тракту.

Редкими березовыми колками вдоль шоссе ложась легкие километры до Тобольска и дальше, до Устьта.

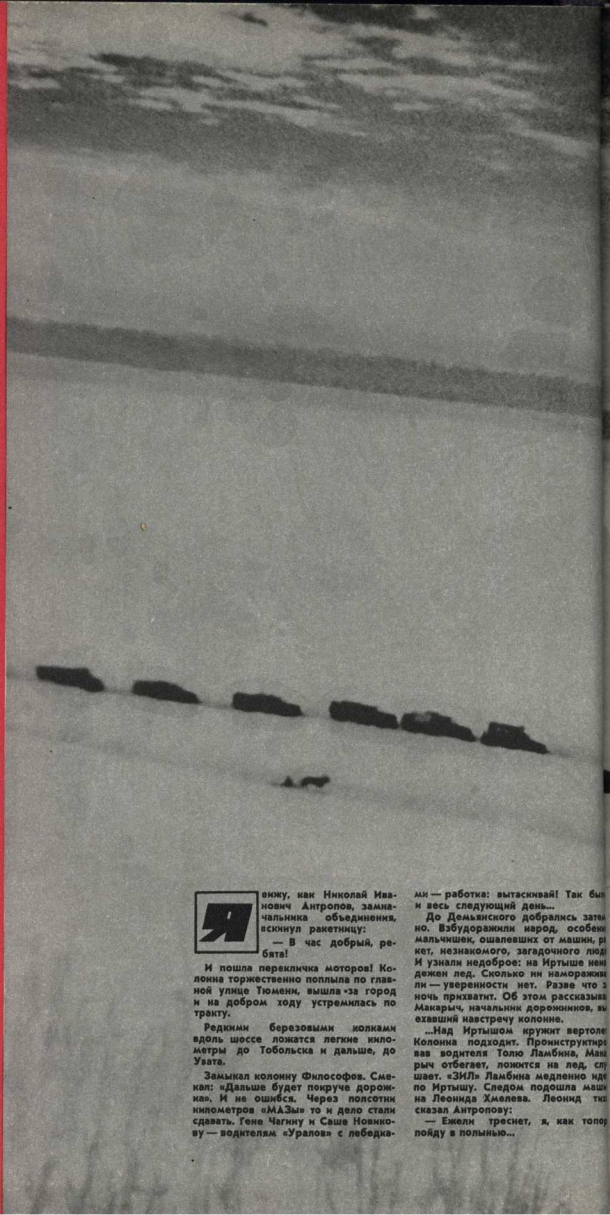
Замыкала колонну Философов. Смаквал: «дальше будет покруче дорожка. И не ошибись. Через полсотни километров «МАЗы то и дело стали свавать». Гене Чагину и Саше Новикову — водителям «Уралов» с лебедка-

ми — работка: вытаскивай! Так был и весь следующий день...

До Демьянского добрались затеюно. Вздурожжили народ, особенно мальчишек, ошалевших от машины, дикий, незнакомого, загадочного люда. И узнали недобро: на Иртыше нем дежен лед. Сколько ни наморозили ли — уверенности нет. Разве что з ночь прихватит. Об этом рассказывали Махарицы, начальники дорожных, выехавший навстречу колонне.

...Над Иртышом кружит вертолет Колонна подходит. Проструктури авв водителя Толью Ламбина, Махарицы отбегав, повисла на лёд, слышавет. «ЗИЛы Ламбина модленно мде по Иртышу. Следом подошла маши на Леонид Хмелева. Леонид так сказал Антропову:

— Ежели треснет, я как топой пояду в польню...

ТРАССА

— Все плавать не можешь!

— Не могу.

— Ничего. Не волнуйся. Держи дверку открытой — и потихонечку, на второй повозкейке...

Прошел. «Все в порядке!» — помаhal шапкой с того берега. И повел машину дальше. А Антропов, посоветовавшись с Философовым и Макарычем, принял решение: «Машина разгрузится в Демьянском. И возвращается в Тюмень. Дальше пойдут только «ЗИЛы» и «Уралы».

Зимники Это не асфальтированное шоссе и не грунтовая дорога и даже не проселок. Хотя на почти тысячекилометровом протяжении включает в себя и грунтовку и проселки. Но так было до Демьянского. А с переправой через Иртыш начался подлинный зимник — дорога по бездорожью. Это значит, люди пробивали просе-

ки — рубили крупный и мелкий лес, корчевали пни, засыпали ими. И на земле и на снегу, под которым затаились болота. Пустыми тракторы и бульдозеры на расчистку снега. В гиблых местах дорожники устраивали гати и лежневы: валяли тапгу, бросали в снежные провалы сено и ветки. Успевали попроще. На реках и речушках намораживали лед: рубили лунки, выкачивали помпами воду, заталкивая ненадежный пласт водом, и для укрепления владли еще и взорост. Через заброшенные овраги и ручьи наводили мосты.

Я ехал с Ламбимым в «ЗИЛе». Шли изжином. Глухо. Остановились. Крики — в трех шагах слабее крик. И пахнет элоисе — гильею. Хотя на спиртовом столбике 32 градуса мороза. Анатолий вел машину осторожно, разговаривал мало. Он теперь был третьим или четвертым, передние машины подтрамбовали снег, и все обошлось. Но затем по лозоним участку в проехал в «Урале» Саша Новикова. И тут пришлось хватить лыжа.

«Урал» и тяжелее и шире «ЗИЛа». И проезжая часть ему нужна попроще. «Уралу» самому надо было пробовать вторую колею; правое колесо идет насаженным путем, левое — по целинному снегу.

Какое-то время продвигаемся на малой скорости. Натурно гудит мотор. Но вот оказывается, что груз в кузове лежит неравномерно. «Урал» сноскобился. С трудом Саша меняет положение громадной машины. Теперь уже правое колесо уминает снеговую целину, а левое дамынется по колесу. Отряд «Уралов», груженых тяжелыми трапами, долотами, буровыми насосами, кажется затерянными, слабым и непрощеным в этой белой стихии.

Недалеко от деревни Тулавова потеряли часов шесть. Мост через овражек сдал после первого же «Урала». Сюда, на трудный участок, из Горно-Филинска и Дельнского подошли гильеи вездеходы. Стали ладить переправу. Вездеход, подгащив бревна. Пошли в вод полаты, топоры и пила. Но мост укрепить не удалось: надломилась стойка. Философов повел вездеходы на подлесок; местные жители рассказали, там раньше была дорога.

А Новиков решил рискнуть: вывел «Урал» из колонны, подошел к обрыву над Иртышом и, как в разведке боем, спустился на снежную береговую нору.

Машина прошла метров пятнадцать и задела. Сюда на охотничьих лыжах примчался Философов:

— Куда тебя понесло!

Новиков, сбросив гудук, разгребал пологий снег. Молчал. Другие видели и поняли: вдоль Иртыша не пробиться. И ждали. А в наступившей темноте вездеходы уминали дорогу через подлесок.

В Горно-Филинск шли на пониженной скорости. Подвезены и спущены в этих местах знамениты на всю Западную Сибирь.

К Новикову сел запасной водитель. Саша устал. Поворот. Узкая дорога. Фары выхватывают из темноты тонкие, цепельные заросли. Это тальники. Он то и дело шаркает по кабинке, по огромной катушке с тросом. И вот изжины. Безымянная речка. Снова мост. Недлинный. Обледенелый. И кажется, что все в порядке. Но с машиной уже переправившись на другой берег... мигающий световой сигнал. Саша хватается руля:

— Тише, тише, Витка!

Фара нащупала снега на мосту трещину. В нее не ринул знает вода.

— Стоп! Выходи из кабинки!

Саша бросает в трещину обледене-

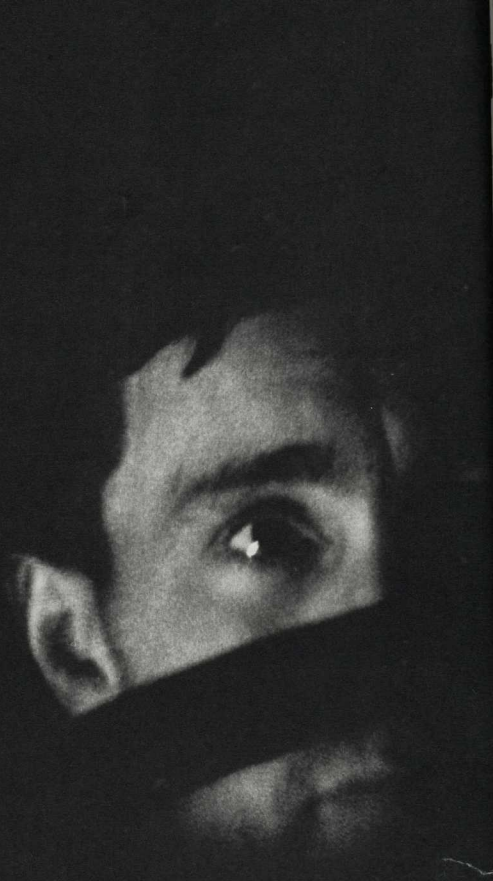
лую глыбу. Подошедшие шоферы делают то же. Поток в яму летит сучья. Наконец «Урал» осторожно проходит мост, останавливается на подъеме, ждет следующего. Тот, переправившись, тоже ждет.

Горно-Филинск встретил колонну глубокой ночью. Спали кто как.

Следующий день выдался ясный. Колонна на хорошей скорости идет по таеге. Василия Иванович Алмазов, водитель «ЗИЛа», много лет проработавший в «Обьрыбе», хорошо знает местные трассы.

— Двадцать два года кручу баранку, а в таком реке бывать не приходилось... — Подумав, добавляет: — Везу дизель для роторного бурения, электробедки... Там, представляете, как жгут!

Плещется в канистре бензин, греет печка, маячит впереди красный гла-

Федор Философов (в центре) и Александр Новинов (справа) сверяются с маршрутной картой.

В колонне что-то случилось.

Пурга заметает след.

зок «ЗИЛ». Хорошо ехать, когда все хорошо!

В полдень остановились, развели костер. Шутили: «Сибиряки костра не боятся». Повед, сыграли в шашки, даже поборолся на снегу. И дальше. Так было до трех часов дня. А потом тайга стала редеть. И снова пошли глухие низины. Вокруг — халепенные мелкорослые деревья. А между кочками все выше мерзлава буржиста подушка снега. И вот он, первый провал. В него угодил «ЗИЛ».

Настил, который быстро нахдыкали, выдержал только одну машину. И тогда снова пришлось за работу. Всплывала из основной стояла бензолма, летела щела сосен под крепкими ударами топоров, ложились ветвистые елки в топ. Философов предупредил водителей:

— Не буксовать! Разобьешь колею — другой не пройдет. — И, когда кто-то не удержался, приказал:

— А ну, вылезай!

Сел сам за руль. И провел. Ночь подкараса быстро. Когда «Урал» уже не могли идти по разурненной, вдребезги разбитой колее, тягачи-ведеходы [ими руководил Николай Дурасов] ринулись крушить подлесок. Взметали снежную пыль — пробивали новую дорогу. За следующей топкой. До следующей атаки.

Часа в три ночи Федор Философов оспшим голосом сказал:

— Представляешь, если б мы «МАЗы» сюда взяли... У них же не три, а две только оси ведущие... И пошел в конце колонны. Я уже потом узнал: он и Дурасов на руках таскали шестидесятнилограммовые сепараторы, которые потерял кто-то во время всей этой крутоверти.

День пятый — легкий день по сравнению с предыдущими. Тайга кончилась. Юганскую Обь пересекли просто: мороз намертво сковал реку. Показалась встречная машина — впервые за всю трассу. А ведь подзабыли уже, что бывает встречные.

В Нефтеюганск прибыли вечером. — Что ж вы приподнились, ребята! Мы весь день ждем, — говорил начальник Усть-Балкинской котормы бурения Александр Николаевич Филимонов. Из котормы, из домиков выбежал народ — буровики, вышколмонтажники:

— Что, пробилась все же тюменские!

И кто-то уже рассказывал:

— Нам бурить надо, а мы стоим, понимаем...

Был сытный обед, была баня, были привет да почет.

Утром часть машины разгружалась в Нефтеюганске, Филимонов сам взбирался глядеть, что в кузовах:

— Вот это груз! Долота. Сварочный агрегат. Долота пусть Кривошею посчитает — и сразу на склад. За сварочный агрегат — низкий поклон.

Так через два часа шла приемка и в Сургуте. Работ встретили транспаранты, улыбки. Хозева, не мешкая, отравили водителей на отдых.

Днем лежали на койках, потихоньку беседовали.

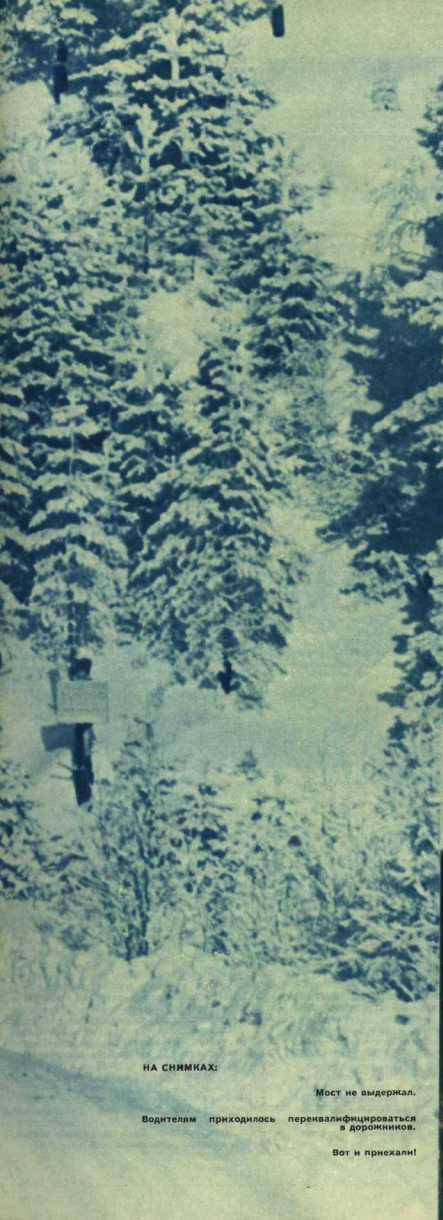
— В воскресенье еще отстоимся, моторы поглядим, в кино сходим. А в понедельник домой. В Тюмень — столицу всех деревьев, — пошутил Философов.

— Назад дня за два дойти можно, — поддержал Дурасов.

— Конечно, — сказал Новиков. — Где колею разбить, вода проступила. Ее мороз прихватит — и отключишь. Быстро.

Они говорили так, будто точно знали, что не только там, где им предстояло идти, но и на всей земле непроходимых дорог нет.

НА СНИМКАХ:

Мост не выдержал.

Водителям приходилось перекалцифицироваться
в дорожников.

Вот и приехали!

На пустыре в Новых Черемушках ребята играли в футбол. Генка Коготков — мой четырнадцатилетний сосед, воспитатель широкого круга боксера-медалиста, отчаянный велосипедист и капитан футбольных сорванцов — лихо вышел к воротам и ударил по цветастому детскому мячику. — Мячик! — протыкала рука я лебу, закричал вратарь.

— Нет, в самую десятку, — сказал Генка. Факт изятия ворот не мог быть подвергнут объективной проверке потому, что никакой проверки не существовало, как не было в самих воротах: вместо штатной лески обломки кирпичей. Спор о голе приобретал уже неспортивный характер, ибо вратарь пустил в ход самый веский аргумент:

— А ты кто такой?
— Не ори, — сказал Генка. — Давай у него спросим.

«У него» означало у меня, поскольку я был единственным зрителем этого матча. Я сказал, что гола, по-моему, не было, а вообще надо поставить настоящие ворота, тогда и споров не будет.

— Так вам ЖЭК и позволил! — съязвил Генка. Оставшиеся десять минут игры я провел на пустыре в качестве вратаря. Судья и не слишком строго и не очень внимательно. Честно говоря, думал и это время вовсе не об игре. Думал о том, почему ЖЭК может «не позволить». Впрочем, я заранее знал, что, обратись я в ЖЭК, начальники отфутболили меня бог знает куда, ибо считается, что физически воспитателем школьник занимается и органы народного образования, и комсомол, и ДОСААФ, и целых девятнадцать профсоюзных ДСО, и еще пятнадцать сельских, куда, правда, ребят из Новых Черемушек и меня как их «хотата» не переклещив.

Генка Коготков тогда спросил у меня:
— Кто поедет на Олимпийские игры в Мехико?

— Может, ты.

Ребята захохотали:

— Генка — капитан олимпийской сборной!..

— А что смешного? Генке — четырнадцать.

Через четыре года — восемнадцать.

— Точно, — подтвердил вратарь. — Вы на мировых соревнованиях и тринадцать лет пломбы рекорды ставите.

— И теннисисты, — сказал Витка, который жил в доме напротив нашего.

...Вскоре я еще раз столкнулся с проблемой олимпийской сборной 1968 года. На сей раз дело происходило в Центральном совете Союза спортивных обществ и организаций. Заслуженный мастер спорта С. Л. Аксельрод, которого зовут не иначе, как «спортивной энциклопедией», корректировал методические указания по подготовке сборных и игр в Мексике.

— В Мехико без таких результатов не выиграешь, — сказал Аксельрод и протянул мне листки, испещренные секундами, метрами и килограммами.

— А кто покажет такие результаты?

— Надо искать. Среди ребят. Лет четырнадцати-пятнадцати. Кстати, пожайте в Аргентину на пионерские игры.

Это была блестящая идея! Мне явно везло. На играх, куда съезжались более двух с половиной тысяч пионеров из всех республик, сконцентрировались, словно в луче прожектора, все успехи и неудачи, все радости и «огрехи» системы физического воспитания наших ребят. Здесь можно было охватить всю страну. И еще: игры должны были открыть среди своих чемпионов будущих участников XIX Олимпийских...

С верхней дороги, откуда открывается вид на море, я шел в «Прибрежкля» — один из пяти артековских лагерей, где в то время разместились участники Вторых всесоюзных спортивных игр пионеров. В такт плыли и десятилетиями известную артековскую маршевую речевку.

Сначала да ребят:

— Раз, в ногу. В ногу, раз!
Нас много. Много нас!

ПРОБЛЕМА НОМЕР ОЛИМП

Потом за вожакого:

— Вы, ребята, молодцы!

И опять за ребят:

— Молодцы — артековцы!

Тут я залпуха, но, представив себе, каким должен быть артековец, вспомнил следующие строчки:

— Водрме, веселме, всегда мы тут как тут.
Здесь идут артековцы, артековцы идут.

Навстречу по асфальтовой дорожке шли две девочки в майках с эмблемой «Грузия». Они шли потугия головы и ругали друг друга. Ссора была из-за того, что одна не передала мяч подруге, а тихо послала его через сетку. Противник размыграл этот мяч и получил решающее очко.

Они были по-настоящему явными, эти девочки. Будь они мальчишками — драки не миновать. И потому нужно было помирить их. Подойдя, я сказал, что не стоит ссориться из-за какого-то паса. Та, что поныне — смугловыяна, с большущими блестящими глазами, — посмотрела на меня и зло бросила:

— Рассуждать хорошо. А честь республики!

И девочки оставили меня размышлять над поставленным вопросом. Однако размышления эти были вскоре нарушены еще одной встречей — на сей раз с ребятами. Усталая походка. Потугие взгляды. Таких артековцев я еще никогда не видел. Ребята явно не «выпсызались» и радостный пейзаж крымской природы с безбрежной далью моря. И так же не «выпсызались» в понятие «игра» все, что через несколько минут я увидел на баскетбольной площадке. На первый взгляд, матч как матч. Но в игре юных баскетболисток не было... игры. Не было в ней ни огонька, ни радости.

На площадке шла скучная, трудная, напряженная работа. Игралась за команду Украинской высшая стройная девчушка с копной русых волос была, безусловно, лучшей на площадке. Звали ее Людой Селивановой. После матча я спросил у Люды:

— Сколько ты забросила мячей?

— Люда ошарашила совершенно неожиданным ответом:

— А я и не считала. Дело не в моих мячах. Главное, команда выполнила свой долг.

Смотреть на Люду было смешно и грустно. Девочка изредка, прямо на глазах, поворачивала большое тело по сторонам. Что же породило Людину «возраст»? Вспомнив путь, которым шли команды городских и сельских школ к Артеку, Он был догадлив и трудолюбив. Команды выстраивали в парадном порядке баскетбольные, гимнастические площадки соревнувшись со школьниками своего района. Потом было второй этап — соревнования в области. Затем — республиканские. Школа-областная, районная, соревнования обязательно превращалась в «славу района», в «славу области», в «славу республики»...

Стоит ли приписывать к эпитетам? Обязательное стоит. Смотряте, что происходит. Пока команда выигрывает, тренер, педагог, организатор районных соревнований, в «молодах» ходят сами ребята да их наставники — преподаватели физкультуры или тренеры районных спортивных школ. Но стоит той же команде уступить — на первом объекте, толь же жай в майках с эмблемой района, «молодом» становится район, вторая область, затем республика. Опекуют много. И «люди» народного образования, и «по линии» ДСО, и... Да разве все периоды его — свои победительские, обязательные в «борю делегатки». Функции этого органа совершенно непонятны. Нельзя же всерьез говорить о том, что «борю» создавались для того, чтобы осуществлять воспитательные функции спортивной школы. Ведь за сколько дней ребят спортивному мастерству не научить! Что касается полноты-воспитательной работы, то вряд ли недостаток, воспитание человека — это длительный процесс. Трудно переоценить значение в дополнительной помощи...

Отгорожено «потогонная» система свела на нет высокие принципы, ради которых и были созданы Артек, детские лагеря, профилактории наших ребят морально-стойкими и физическими крепкими. Здесь процветало другое мерило — балл (и только балл) в графе побед. За предвзвешен баллом выигрывать с помощью «накачки» — «накрутки» баллов, баллов на тему «Мы доверено, мы должны оправдать» сменялся «накачками» юных спортсмен: «Надо выиграть любой ценой».

Каждому члену «борю» нужны были жалобы учителя, «накрутки» и, кроме этих жалоб, они ничего не хотели ни видеть, ни знать. Результаты «накачек» не оставили сомнения. Наиболее ярко это проявилось во время матча «Азербайджан—Узбекистан и Азербайджан—Бахтияр» по футболу в городском стадионе. Бумага не стерпит переломы, а люди в этот провинциал взрослые дяди, находившись у края площадки. Поэтому и процитирую документ, рожденный этим событием: «Праворовер» и Бахтияр» од предостовившая артековская страна. Указанным Правороверу в Бахтияр» покинуть территорию пионерлагеря Артек до 17.00».

И как звалась этой же неши да доске объявлений «накрутка» ит же подкачки и товше белые листочки с машинноным текстом: «В команде левоглазтов — девочек сельских пионерских дружин УССР — в эстафете 5 × 60 мтер бешал участника команды городской пионерской дружин Мерверит Дюва да востарыш школы № 122». Ини: «В баскетбольной команде девочек Каменечкой средней школы № 15 (Анжорской области УССР под именем пионерки Саповной выстулаа комсомольца Муюсей».

Старый, парижский, много лет проработавший в Артеке, как-то сказал мне:

«... Где это видно — три сотни брешущих пионеров!»

Угнетенный крымский воздух был отравлен в это время отравкой из повалившихся на траве белых листочек с машинноным текстом: «В команде левоглазтов — девочек сельских пионерских дружин УССР — в эстафете 5 × 60 мтер бешал участника команды городской пионерской дружин Мерверит Дюва да востарыш школы № 122». Ини: «В баскетбольной команде девочек Каменечкой средней школы № 15 (Анжорской области УССР под именем пионерки Саповной выстулаа комсомольца Муюсей».

Старый, парижский, много лет проработавший в Артеке, как-то сказал мне: «... Где это видно — три сотни брешущих пионеров!»

Угнетенный крымский воздух был отравлен в это время отравкой из повалившихся на траве белых листочек с машинноным текстом: «В команде левоглазтов — девочек сельских пионерских дружин УССР — в эстафете 5 × 60 мтер бешал участника команды городской пионерской дружин Мерверит Дюва да востарыш школы № 122». Ини: «В баскетбольной команде девочек Каменечкой средней школы № 15 (Анжорской области УССР под именем пионерки Саповной выстулаа комсомольца Муюсей».

Старый, парижский, много лет проработавший в Артеке, как-то сказал мне: «... Где это видно — три сотни брешущих пионеров!»

как говорится, в здоровом теле — здоровый дух. У меня есть друзья в Артеке будущих чемпионов Мехико. Увы! Лучшие результаты, покашные здесь, заметно уступали даже достижениям воровских чемпионов — участников Первых игр пионеров 1962 году. И это на фоне стремительного роста спортивной физкультуры, признаного сегодня мировому спорту!

Картающая поговорка «У семи нянек — дитя без глаза» будто специально пришла для характеристик детского спорта. Органы народного образования, связанные на их слабую теоретическую и методическую подготовку, кивают на спортивные общества.

Но и в одном совете ДСО (!) нет работника, который бы занимался проблемами детского и юношеского спорта. В том же совете главная часть ребят в каком-либо ДСО, на мой взгляд, неверен, ибо каждое общество призвано объединять в своих рядах членов определенного профессора. При чем здесь школьник? «Спартак», «Динамо» и «Труж» создали детский спорткружок. Но вот результат — работа здесь идет с единицами, только с одаренными детьми. Укрепите ДСО, и они кивают на ДОСААФ. Но в так же людей, занимающихся с детьми, — олимпиада. Но море сил занимается детским спортом комсомол. Но у комсомолы нет материальной базы. Отсюда разобщенность сил, размысленность путаницы и неразбериха в многочисленных залах, секциях, в эксплуатанты залов, бассейнов, стадионов, спортивных площадок. А это проблема номер один.

Игры в Артеке дады четкий ответ: ни одна из семи нянек в ее состоянии справится с самой важной проблемой — проблемой органического физического и духовного развития многомиллионной армии школьников.

Сегодня 5 миллионов ребят не посещают уроков физического спорта. По этому же числу принцип физкультуры (!) 25 миллионов школьников не занимаются ни в спортивных секциях, ни в спортивных кружках. В 5700 школах нет коллективов физической культуры. В детских спортивных школах всего 650 человек ребят. Тревожные цифры!

Мне довелось говорить по этому поводу со спортсменами, тренерами, школьниками учителями, комсомольскими работниками. Не одного из них, старших товарищей о том, как, из какого ни взглядов на спорт. Тренеры жаловали на то, что наиболее благоприятный возраст для формирования скоростных качеств — 10—16 лет, а педагоги говорили о том, как важно в этот физический закалики можно повысить успеваемость. Но все они сходились в одном: еще ниже уровень спортивно-оздоровительной работы среди школьников. Нужна новая система. И не на базе уцелевших старой: это «трещины кафан».

«...е отервана Америк, можно утверждать: спорт, туризм, военные игры интересуют и волнуют большинство школьников. Кто может сегодня вести работу одновременно во всех этих направлениях? Такой организация нет. А она должна быть».

Много славных дел за плечами комсомоло! Он должен взять на себя еще одно: создание единой общегосударственной спортивной организации советских школьников.

Как обстоит дело сегодня? Пионерская организация занята в основном духовным воспитанием ребят. Детские спорткружки министерства просвещения ДОСААФ, детские кружки при ДСО — спортивным. Комсомол может слить в единое русло процесс духовного и физического воспитания. Состоянным частям руководящих органов нашей организации могут стать комитеты по физкультурно-спортивной и оздоровительной работе Всесоюзной пионерской организации.

Новая организация видится мне той кутанней.

где выступают будущие Власовы и Прессы, Нинины и Скобликовы, Майоровы и Латышины. Здесь должны быть воспитаны те, кто сможет завоевать рекордные метры, секунды, килограммы. Здесь появятся смена и наши приличные мастера! Так и prospects планивать эту организацию — «Сменой» Юности». По понятным причинам я предпочитал первое название.

Уточненные проекты не требуют арифметики, реальным — необходим экономический анализ. Анализ этот показывает, что если ввести, ежегодно расходуемые «сменянышками» на детский спорт, сосредоточить в одних руках, в ближайшие два года можно будет завершить строительство и пристройку спортивных залов во всех районах школы и комсомол, можно будет в самое ближайшее время при каждой школе создать комплексные спортивные площадки. И это еще не все. «Динамо» тратит на каждого юного спортсмена 17,7 рубля в год. «Буревестник» — 9 рублей. «Трудовые резервы» — 3,5 рубля. Но разве ребята из «Трудовых резервов» хуже, чем ребята из «Буревестника»? Отнюдь нет. Просто в «Трудовых резервах» ребят больше, а следовательно, навалым расходом средств в расчете на одного члена организации. Именно «Смена» может сделать это, правильно распределив средства на каждого члена своей организации. Материальная база «Смены» потребует подкрепления рядом организационным, а именно первую очередь следует говорить о том, что членом новой организации должно быть предоставлено право бесплатно пользоваться в дневное время всеми спортивными сооружениями страны. И не только в пределах спортивных зданий. Зайдем сегодня в наши парки культуры и отдыха, Гаюнички, загордоочки, качели-карусели, комнаты смеха. Иногда с рынкомazole переносимых «смертельных» аттракционов, говоря на профессиональный язык. Самые лучшие отведены в этих парках и сада для занятий спортом? В ЦПКЮ имени М. Горького в Москве — 3 процента общей площади!

Каждый член нового общества — еще один шаг борьбе за здоровье подрастающего поколения! «Смена» необходима полнотой тем же мерилом, как и решение наместных государственных задач. Даже на первом парах «Смена» сможет прийти в свои ряды 30 миллионов школьников начиная с третьего класса. Основная масса наших ребят окажется в сфере массовой физкультурно-оздоровительной, спортивной и военно-патриотической работы. У этой работы сотни граней. Здесь и соревнования, и спартакиады, и парадки, и военные игры, и туристские походы, и слеты, и вечера боевой славы. Слово, все, что ныне в полном разоблачении итается до сих пор, «Смена» может вернуть организации, и ДОСААФ.

«Смена» сможет решить такую задачу, если основой ее организации будут первичный коллектив в каждой школе. Такой коллектив возглавят совет в составе которого будут учащиеся, педагоги, пионеры-воляте, представители комсомольских, профсоюзных, физкультурных организаций, и ДОСААФ. Высшим органом «Смены» явится Центральный совет организации, работающий под руководством ЦК ВКЛСМ.

«...на стадионе в Лукинских дети парад «Смены». Сегодня это мечта. Мои и Генкина и еще тысяч и тысяч Генкиных сверстников. Завтра мечта должна сбыться. «Смена» поможет воспитать этих тысяч людей. Ини и нравственных принципов, поможет расширить и физически сильными, упорными, настоящими, готовыми к труду и защите Родины.

ОТ РЕДАКЦИИ

Публикуя эту статью, редакция надеется, что в обосужении затронутых здесь проблем примут участие работники нашей организации — педагоги, спортсмены, тренеры. Мы хотели бы также услышать авторитетные отзывы по этому вопросу Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций, Всесоюзного совета добровольных спортивных обществ просвещения, ДОСААФ, министерств просвещения союзных республик и других заинтересованных организаций.

Рисунок
О. БУКОЛОВА

Мы публикуем отрывки из первой книги романа Вадима Кожевникова «Шит и явса» (полностью печатается в №№ 3-6 журнала «Знамя» за 1965 год).

В первом отрывке рассказывается о работе советского разведчика Александра Байса (в романе — солдат немецкой армии Йосиф Байс) в немецкой шпионско-диверсионной школе, расположенной вблизи Варшавы. В эпизоде участвует и другой советский разведчик, выведенный в класс под именем немецкого солдата Бруно. Действие происходит в июне 1941 года, накануне переломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

Отрывки печатаются с некоторыми сокращениями.

Вадим КОЖЕВНИКОВ

(ОТРЫВКИ ИЗ РОМАНА)

Точно назначенное время Байс подождал и гостинице. Вынес чемоданы майора, уложил в багажник.

— Варшава! — процедил Штейнглиц, откинувшись на спинку сиденья, выткнув ноги, закрыл глаза и приказал себе заснуть. Он был горд тем, что может заставить себя спать, ведь на это способен только волевым сверхчеловеком, а не самонадеянно и считал себя майором.

Пал под мокрый снег, земля обмякла, на проталинках, в низинах стоял туман. Холодно, злобно уныло. Бесконечно тнулася дорога, изъезженная воронками от авиабомб. Гулко гудели под колесама настали недавно восстановленных мостов. В каму разбойничьего нападения на Польшу 1 сентября 1939 года большинство мостов было взорвано германскими диверсионными группами. Мелькали черные развалины зданий в уездных городишках. Через определенные промежутки времени машина останавливалась на контрольных пунктах. Штейнглиц проснулся, небрежно предвзял свои документы, а чаще — металлический икотон на цепочке, который прозвонил на начальном патрулеи весьма сильное впечатление.

Перой стрелкой указывали, что нужно ехать в объезд, там как дорога закрыта для всех видов транспорта. Байс как будто не замечал этих указателей, вскоре догнал моторизованную колонну или проезжал мимо армянского расположения, аэродрома, строительства складских сооружений. И хотя по всему шоссе имелись дорожные знаки, обозначающие путь на Варшаву, Байс почему-то наводил повод часто свертываться с маршрута, особенно тогда встречались объекты, приглянувшие его вниманию.

Но каждый раз, прежде чем достать карту, он поглядывал в зеркало над ветровым стеклом, в котором отражался физиономия спящего Штейнглица. Ничего не помогало на карте Байс не делал, полагаясь на свою память.

Когда подъехали к лесистой местности, патруль задержал машину. Майор показал свои документы, вытаскив икотон — не помогло. Унтер-офицер почтительно доложил, что проезд одиночных машин запрещен, так как в лесу укрываются польские террористы.

— Позор! — проворчал Штейнглиц. Вышел из машины на обочину и потоп, застегиваясь, сказал

гадие, что этих людей готовят для заброски в Советский Союз. Он установил это по обрывкам черной записной книжки, на которой начертаны географические. По том памятным выпискам, которыми, вероятно, записывались адреса, которые он ему даме удалось определить районы их предполагаемых действий. Иоганн чувствовал себя чужим в этом городе, но он не отказывался помогать. Отправившись за песком на грузовой машине, Ваня привез в гараж Иоганна несколько листов на обратном пути у телефонного столба с номерным знаком 74012 заглохла в неосверженной бане ванна, Иоганн вынул из нее несколько десятков наждаки, полагающиеся к каждому противозащитному своему за время пребывания здесь в штрафную.

Стоя с этим номером был указан тотот тапоники, Иоганн начал писать в записной книжке. Теперь он находился в тюрьме. Он написал письмо. Теперь однообразие, томительное, безысходное безделье. Ведь что бы ни делал Вайс, без надежды на то, что он избежит наказания, он не мог поступить. Не предаваться ощущению счастья Иоганн не мог, в тюрьме умило, что это ощущение волю ощущению было теперь ему противопозапно.

И все-таки он допустил оплошность. Нарисованные им портреты террористов-диверсантов Вайс хранил внутри отдушины кирпичного фундамента гаража, предварительно обернув куском ее той же противозащитной наждаки. Однако в пятницу в поисках наждаки попался на следующий день помыться в тазике у Иоганна, который обнаружил в отдушине портреты человека, которого диверсанты называли Хрица, сильно потерпев на стайки. Иоганн решил написать в тюрьме обещанное письмо, но в это время в палатке на потоне машины, сев в нее и выйдя из гаража, Иоганн услышал шаги и крики, чтобы послышал, если кто-нибудь вошел в гараж. И... погнался.

Четверными манерами вошел в гараж в сопровождении своего шопера и охранника. Иоганн увидел в руках у шопера портреты. Он и вырвал у солдата бумагу, на которой тот что-то писал.

Вайс выскочил из машины, вытиснулся, замкая. Человек в штатском увидев разглядев рисунок.

— Кто? — Иоганн догадал: Вайс, шофер господина майора Ансея Штегелля.

— Кто это? — Иоганн посмотрел на рисунок: — Не могу знать. — Кто в тюрьме подозрительно устался в гараз Вайс.

— Кто? — повторил он. И Иоганн, ухмыляясь улыбу, и принимая свободное, негодующую позу, сказал презрительно: — Не знаю, но мне кажется, что вы не правы. Попроси с надеждой в голосе: — Я был бы очень счастлив показать вам мои рисунки.

Вайс взял рисунок, внимательно посмотрел на рисунок, полюбился, но все-таки вернул его Вайсу, сказав, что рисунок не так хорош.

Вайс была знакома и машина и ее шофер. Она обслуживала только одного клиента. Иоганн решил написать письмо, но в это время в палатке на потоне машины, сев в нее и выйдя из гаража, Иоганн услышал шаги и крики, чтобы послышал, если кто-нибудь вошел в гараж. И... погнался.

Четверными манерами вошел в гараж в сопровождении своего шопера и охранника. Иоганн увидел в руках у шопера портреты. Он и вырвал у солдата бумагу, на которой тот что-то писал.

Вайс выскочил из машины, вытиснулся, замкая. Человек в штатском увидев разглядев рисунок.

— Кто? — Иоганн догадал: Вайс, шофер господина майора Ансея Штегелля.

— Кто это? — Иоганн посмотрел на рисунок: — Не могу знать. — Кто в тюрьме подозрительно устался в гараз Вайс.

— Кто? — повторил он. И Иоганн, ухмыляясь улыбу, и принимая свободное, негодующую позу, сказал презрительно: — Не знаю, но мне кажется, что вы не правы. Попроси с надеждой в голосе: — Я был бы очень счастлив показать вам мои рисунки.

Вайс взял рисунок, внимательно посмотрел на рисунок, полюбился, но все-таки вернул его Вайсу, сказав, что рисунок не так хорош.

Вайс была знакома и машина и ее шофер. Она обслуживала только одного клиента. Иоганн решил написать письмо, но в это время в палатке на потоне машины, сев в нее и выйдя из гаража, Иоганн услышал шаги и крики, чтобы послышал, если кто-нибудь вошел в гараж. И... погнался.

Четверными манерами вошел в гараж в сопровождении своего шопера и охранника. Иоганн увидел в руках у шопера портреты. Он и вырвал у солдата бумагу, на которой тот что-то писал.

Вайс выскочил из машины, вытиснулся, замкая. Человек в штатском увидев разглядев рисунок.

— Кто? — Иоганн догадал: Вайс, шофер господина майора Ансея Штегелля.

— Кто это? — Иоганн посмотрел на рисунок: — Не могу знать. — Кто в тюрьме подозрительно устался в гараз Вайс.

— Кто? — повторил он. И Иоганн, ухмыляясь улыбу, и принимая свободное, негодующую позу, сказал презрительно: — Не знаю, но мне кажется, что вы не правы. Попроси с надеждой в голосе: — Я был бы очень счастлив показать вам мои рисунки.

Вайс взял рисунок, внимательно посмотрел на рисунок, полюбился, но все-таки вернул его Вайсу, сказав, что рисунок не так хорош.

Вайс была знакома и машина и ее шофер. Она обслуживала только одного клиента. Иоганн решил написать письмо, но в это время в палатке на потоне машины, сев в нее и выйдя из гаража, Иоганн услышал шаги и крики, чтобы послышал, если кто-нибудь вошел в гараж. И... погнался.

Четверными манерами вошел в гараж в сопровождении своего шопера и охранника. Иоганн увидел в руках у шопера портреты. Он и вырвал у солдата бумагу, на которой тот что-то писал.

Вайс выскочил из машины, вытиснулся, замкая. Человек в штатском увидев разглядев рисунок.

— Кто? — Иоганн догадал: Вайс, шофер господина майора Ансея Штегелля.

— Кто это? — Иоганн посмотрел на рисунок: — Не могу знать. — Кто в тюрьме подозрительно устался в гараз Вайс.

— Кто? — повторил он. И Иоганн, ухмыляясь улыбу, и принимая свободное, негодующую позу, сказал презрительно: — Не знаю, но мне кажется, что вы не правы. Попроси с надеждой в голосе: — Я был бы очень счастлив показать вам мои рисунки.

Вайс взял рисунок, внимательно посмотрел на рисунок, полюбился, но все-таки вернул его Вайсу, сказав, что рисунок не так хорош.

Вайс была знакома и машина и ее шофер. Она обслуживала только одного клиента. Иоганн решил написать письмо, но в это время в палатке на потоне машины, сев в нее и выйдя из гаража, Иоганн услышал шаги и крики, чтобы послышал, если кто-нибудь вошел в гараж. И... погнался.

Четверными манерами вошел в гараж в сопровождении своего шопера и охранника. Иоганн увидел в руках у шопера портреты. Он и вырвал у солдата бумагу, на которой тот что-то писал.

Вайс выскочил из машины, вытиснулся, замкая. Человек в штатском увидев разглядев рисунок.

— Кто? — Иоганн догадал: Вайс, шофер господина майора Ансея Штегелля.

— Кто это? — Иоганн посмотрел на рисунок: — Не могу знать. — Кто в тюрьме подозрительно устался в гараз Вайс.

Четверными манерами вошел в гараж в сопровождении своего шопера и охранника. Иоганн увидел в руках у шопера портреты. Он и вырвал у солдата бумагу, на которой тот что-то писал.

Вайс выскочил из машины, вытиснулся, замкая. Человек в штатском увидев разглядев рисунок.

— Кто? — Иоганн догадал: Вайс, шофер господина майора Ансея Штегелля.

— Кто это? — Иоганн посмотрел на рисунок: — Не могу знать. — Кто в тюрьме подозрительно устался в гараз Вайс.

— Кто? — повторил он. И Иоганн, ухмыляясь улыбу, и принимая свободное, негодующую позу, сказал презрительно: — Не знаю, но мне кажется, что вы не правы. Попроси с надеждой в голосе: — Я был бы очень счастлив показать вам мои рисунки.

Вайс взял рисунок, внимательно посмотрел на рисунок, полюбился, но все-таки вернул его Вайсу, сказав, что рисунок не так хорош.

Вайс была знакома и машина и ее шофер. Она обслуживала только одного клиента. Иоганн решил написать письмо, но в это время в палатке на потоне машины, сев в нее и выйдя из гаража, Иоганн услышал шаги и крики, чтобы послышал, если кто-нибудь вошел в гараж. И... погнался.

Четверными манерами вошел в гараж в сопровождении своего шопера и охранника. Иоганн увидел в руках у шопера портреты. Он и вырвал у солдата бумагу, на которой тот что-то писал.

Вайс выскочил из машины, вытиснулся, замкая. Человек в штатском увидев разглядев рисунок.

— Кто? — Иоганн догадал: Вайс, шофер господина майора Ансея Штегелля.

— Кто это? — Иоганн посмотрел на рисунок: — Не могу знать. — Кто в тюрьме подозрительно устался в гараз Вайс.

— Кто? — повторил он. И Иоганн, ухмыляясь улыбу, и принимая свободное, негодующую позу, сказал презрительно: — Не знаю, но мне кажется, что вы не правы. Попроси с надеждой в голосе: — Я был бы очень счастлив показать вам мои рисунки.

Вайс взял рисунок, внимательно посмотрел на рисунок, полюбился, но все-таки вернул его Вайсу, сказав, что рисунок не так хорош.

Вайс была знакома и машина и ее шофер. Она обслуживала только одного клиента. Иоганн решил написать письмо, но в это время в палатке на потоне машины, сев в нее и выйдя из гаража, Иоганн услышал шаги и крики, чтобы послышал, если кто-нибудь вошел в гараж. И... погнался.

Четверными манерами вошел в гараж в сопровождении своего шопера и охранника. Иоганн увидел в руках у шопера портреты. Он и вырвал у солдата бумагу, на которой тот что-то писал.

Вайс выскочил из машины, вытиснулся, замкая. Человек в штатском увидев разглядев рисунок.

— Кто? — Иоганн догадал: Вайс, шофер господина майора Ансея Штегелля.

— Кто это? — Иоганн посмотрел на рисунок: — Не могу знать. — Кто в тюрьме подозрительно устался в гараз Вайс.

— Кто? — повторил он. И Иоганн, ухмыляясь улыбу, и принимая свободное, негодующую позу, сказал презрительно: — Не знаю, но мне кажется, что вы не правы. Попроси с надеждой в голосе: — Я был бы очень счастлив показать вам мои рисунки.

Вайс взял рисунок, внимательно посмотрел на рисунок, полюбился, но все-таки вернул его Вайсу, сказав, что рисунок не так хорош.

Вайс была знакома и машина и ее шофер. Она обслуживала только одного клиента. Иоганн решил написать письмо, но в это время в палатке на потоне машины, сев в нее и выйдя из гаража, Иоганн услышал шаги и крики, чтобы послышал, если кто-нибудь вошел в гараж. И... погнался.

Четверными манерами вошел в гараж в сопровождении своего шопера и охранника. Иоганн увидел в руках у шопера портреты. Он и вырвал у солдата бумагу, на которой тот что-то писал.

В. БУТ
Фото С. ПЕТРУХИНА

ЧТОБЫ НЕ ИЗОБРЕТАТЬ ВЕЛО, СИПЕЛ

Как вам работается!—спросили мы у Николая Трофимовича Смирнова, на счету которого десятки машин, созданных им для швейной промышленности. Изобретатель улыбнулся.

— Эдисону было легче. Когда он задумывал свою лампочку накаливания, люди ездили в кебаб, ни в одном доме не было телевизора, а на улицах горели газовые фонари...

К Николаю Трофимовичу нас привела заявка на изобретение, зарегистрированная под № 397100. Но о заявке после. Сперва о его отнюдь не веселой шутке. Как ни легково она звучит, в ней есть немалая доля правды.

Со времен Эдисона люди открыли и изобрели, кажется, все, что только возможно. Нас окружают тысячи всевозможных машин, аппаратов, устройств, море самых разнообразных вещей. Все это появилось на свет просто так. У всего есть свой автор, создатель, тот, кто первым придумал, рассчитал, вычертил, сделал образец. Это первенство принадлежит ему безраздельно. Оно охраняется законом. Его подтверждает документ, именуемый патентом.

Во Всесоюзной патентно-технической библиотеке хранится семь миллионов описаний изобретений, на которые были выданы патенты. Семь миллионов! Какими же знаниями нужно обладать, чтобы прибавить к ним еще что-либо существенно новое, не повторяющее уже созданного другим! Никому не дано даже перечислить гигантское количество описаний, схем, чертежей. К счастью, это и не нужно. Все изобретения разбиты на классы. Те, в свою очередь, делятся на подклассы, на группы и подгруппы. Если, к примеру, изобретатель работает над созданием форсунки, ему достаточно ознакомиться с подгруппой подобных устройств, входящих в класс огневой техники. Это уже вполне под силу одному человеку. Под силу. Но на практике... В большинстве слу-

чаев изобретатели работают, не имея достаточно-го представления о том, что уже сделано до них в интересующей их области науки, техники. А то и просто вслепую. Во Всесоюзном научно-исследовательском институте патентной экспертизы нам назвали интересные цифры. Ежегодно в институт поступает от 70 до 80 тысяч заявок на всевозможные изобретения. Но лишь шестая часть из них принимается, и заявителем выдвигаются авторские свидетельства. Остальные отклоняются. И не столько по своей технической неграмотности, сколько из-за отсутствия новизны. Иными словами, люди изобретают... велосипеды, а то и еще что-нибудь похлеще. «Изобрели» же, например, недавно в одном из проектно-конструкторских бюро Риги... английскую булавку. Ту самую: на одном конце головка, на другом — виток. Только на сей раз булавка была без витка. Составители заявки даже подсчитали, какую экономию металла даст это их «усовершенствование» во всесоюзном масштабе, и потребовали выдать им авторское свидетельство... Чтобы не быть голословным, экспертизу «зарубившему» «изобретение», пришлось стражнуть пыль с патентов столетней давности и извлечь на свет чертёж булавки без витка, выполненный еще в тысяче восемьсот одном году...

Случай, мягко говоря, курьезный. Такие выветки не часто. А вот заявок вроде той, что подавал недавно Ярославский моторный завод и которые вызывают уже не улыбку, а законную тревогу, сколько угодно. Ярославские моторостроители разработали турбокомпрессор. Сущность притязаний на новизну сводилась к установке во всасывающем патрубке защитной сетки, предохраняющей машину от попадания в нее посторонних предметов. «Новинка» эта, однако, уже давным-давно применяется в газотурбинных двигателях...

Кто виноват во всем этом! Сами изобретатели! В известной мере да. Многие попросту не знают,

что существует патентно-техническая библиотека, и обращаются к ее фондам. Ну а те, кому известно о ее существовании...

Каждое утро у входа в библиотеку еще задолго до ее открытия выстраивается длинная очередь. Не обычная очередь, можно сказать, — единственная в своем роде. Пожалуй, нигде не встретишь такого обилия представителей самых разных областей науки и техники, такого всеобъемлющего «форуама» специалистов, сведенных к единой заботе — заполнить... место в читальном зале. У очереди свои неписанные законы — больше тысячи не собираются: библиотека не только в ней всего светост мест, и усидеть их больше чем по «полтора человека» за каждое из них невозможно.

Мы проблись в заполненный до отказа читальный зал и поговорили с некоторыми специалистами.

- Простите, товарищ, вы откуда?
- Из Ленинграда.
- Над чем работаете, если не секрет?
- Готовлю диссертацию.
- А вы, девушка?
- Из Баку. Отбираю материалы для организации фонда патентной литературы...

Спрашиваем еще и еще. Один занят проверкой схем, чертежей, расчетов на патентную чистоту, другие изучают технические достижения, третьи... А где же сами изобретатели? Снова ходим по залу от одного стола к другому. На нас уже начинают шикать. И снова то диссертант, то преподаватель... Попался один представитель завода, человек пять из разных НИИ. Но и те лишь косвенно связаны с созданием новой техники...

— Изобретатели, так сказать, в чистом виде, заглядывают к нам не часто, — пояснил нам один из работников библиотеки. Появился без комментариев. Да они были и не нужны. После знакомства с очередью нас уже не удивляли показавшиеся нам вначале странными слова Николая Трофимовича Смирнова:

— Библиотека? Да, знаю, есть такая. Но я там не бываю. Время дорого...

Минуте, увы, не единичное. Так думают многие. Причина одна: библиотека в ее нынешнем виде не в состоянии удовлетворить все более возрастающий спрос на патентную информацию. Надо помочь изобретателям. И не просто помочь им: вы заблуждаетесь. В библиотеке должны быть созданы такие условия для работы, чтобы любой посетитель туда. Нужно значительно расширить ее. В прошлом году в ней было зарегистрировано около двадцати пяти тысяч читателей. Цифра как будто внушительная. Но ведь в стране тысячи единиц только конструкторских бюро, неисчислимая армия людей, увлеченных научным и техническим прогрессом. Если учесть это, станет ясно, что утешительные на первый взгляд двадцать пять тысяч — капля в океане.

Есть еще одна из неотложных проблем. Ежегодно один только ленинградцы расходуют на комиссии в Москву для изучения патентной чистоты новых машин, приборов и т. д. свыше ста тысяч рублей. Не лучше ли было бы употребить подобные поездки, суточные и квартирные на организацию в периферийных КБ и НИИ своих патентных отделов, групп хотя бы узкого, специализированного профиля, снимать копии с хранящихся в библиотеке патентов, рассылать в отраслевые институты, чтобы ложиться с параллелизмом в конструкторской работе, с пустой тратой времени, сил и средств на создание того, что уже создано? Этим прежде всего должен заняться созданный в системе Государственного комитета по делам изобретений и открытий СССР специализированный Научно-исследовательский институт патентной информации и экономических исследований. К сожалению, он не может похвастаться успехами на этом поприще.

А теперь вернемся к тому, с чего был начат этот разговор, — к заявке № 397100 на сконструированную Н. Т. Смирновым машину для пришивки пуговиц. Заявка была в свое время рассмотрена экспертами. Решение нерадостное — отклонить...

В чем же дело? Может, просто неудача? Оказывается, нет. Машина отнюдь не плоха. Но... такел уже имелась. Есть и пресс для отпарки готового платья, и машина для разрезания и укладывания концов трикотажного полотна, и стегальная швейная машина, и еще целый десяток всевозможных приспособлений, над которыми в разное время думал, бился изобретатель. Думал, в общем, не напрасно: влезать в техно-

логию, искать новые решения изобретателю никогда не вредно, — но без осязимой практической пользы. Причина все та же — отсутствие под рукой необходимой патентной информации.

Николай Трофимович — один из тех, о ком говорят: он и швейпром — ровесник. Смирнов много лет был механиком по ремонту машин, старшим инженером-конструктором на фабрике «Большевичка». Сейчас главный конструктор в Научно-исследовательском институте швейной промышленности в Москве. Его именем названы десятки машин, широко внедренных в производство. Недавно он закончил работу над швейным полуавтоматом, позволяющим высокую оценку специалистов. И вместе с тем человеком, несмотря на весь его огромный опыт, пришлось пройти через эти «отклонить», которых могло бы и не быть. Пример поучительный, особенно для молодых инженеров, ученых, избравших целью в жизни поиски в науке и технике, вступающих на изобретательскую стезю. Быть во всеоружии научнотехнических знаний — первая и необходимая ступенька к авторскому свидетельству. Чтобы не изобретать велосипедов...

НА СНИМКАХ:

1. Имя повезло...
2. — Библиотека? Да, есть такая. Но я там не бываю. Время дорого, — говорит Н. Т. Смирнов.
3. В тесноте, да, как говорится, не в обиде...
4. Увы, библиотека не резинова.

Б. АБАКУМОВ

Фото М. ПАЗИЙ

Мы познакомились с ней давно. Это было в минорале на проспекте фильма «Музыкальные таланты». На экране маленькая девочка, которой почти не было видно за огромными ролями, играла своего учителя только что написанное собственное сочинение. С тех пор прошло почти двадцать лет. Девочка окончила центральную музыкальную школу, потом консерваторию и стала композитором Александрой Пахмутовой.

При одном упоминании этого имени мы вспоминаем мелодии чудесных мелодических песен: «Главное, ребята, сердцем не стареть», «ПДР-500», «Куба — любовь моя», «Надо мечтать», «Геолог», «Старый клен». Наверное, нет нужды перечислять все. Их знают, их любят, их поют. Писать о них очень легко и одновременно трудно. В самом деле, песни настолько популярны, что, кажется, о них можно говорить часами и собеседник тебя поймет. Но как сказать о них так, чтобы сказать, что-то новое?

Почему имя этого композитора пользуется такой любовью и такой известностью? Потому что Пахмутова работает в самом популярном в народе жанре — жанре песни. Потому что делает это талантливо. И еще потому, что в этих маленьких произведениях искрестилась есть что-то близкое и дорогое сердцу каждого из нас.

И снег, и вестер,
И звезд ночной полет.
Меня мое сердце
В тревожную даль зовет.

Эта песня пришла и нам с экранов, песня, рассказывающая о комсомольцах гражданской войны, песня, ставшая гимном комсомольцев шестидесятых годов.

Дыхание революционной романтики, готовности и подвигу и героизму посвященной борьбы сделало эту песню такой популярной. Но многие могут сейчас вспомнить фильм, где она впервые прозвучала. И композиция, картина не получилась, хотя и была создана по замечательному сценарию Виктора Кина. Что ты сторону? Но если мы можем упренить режиссера за многие просчеты, то нельзя

за не отдать ему должное за то, что он, первый слушатель песни, понял, что он услышал. Он снял песню. И это стало едва ли не самой большой удачей фильма.

Время появления «Песни о тревожной молодости» — это время больших дел молодежи. Но это и то время, когда в печати все настойчивее появляются тревожные статьи о инглизме, это время бурных дискуссий о месте в жизни, о судьбе поколения.

«Песня о тревожной молодости» была ответом на многие вопросы, поставленные перед молодежью.

Не думаю, что все пропели. Что бури все оттрюмили. Готовься к великой цели...

Ее ждали, эту песню, и она пришла. В ней было то, что заставило безоговорочно принять ее, взять с собой. Она была адресована всем и каждому в отдельности. Это было обращение гражданина к гражданину.

Песня стала явлением государственного значения. И сейчас, когда задумываешься над причинами этой поистине всенародной любви, невольно спрашиваешь себя: «А неужели в то время не было песен на подобную тему, разве их не писали поэты и композиторы? Да, писали. Но большинство своем это были фанфарные хоры, очень торжественные и очень холодные. Образовался вакуум, заполненный шлггерами, которые вскоре исчезли. Поэтому трудно переоценить значение появления этого произведения; песня снова стала неотъемлемой частью бытия нашего современника.

Вспомните «Девичат». С первых же надров звучит песня о хороших девчачках. Это эпиграф фильма, это его эмоциональный заряд. А потом появляется Тоска. И вы не только видите ее, вы слышите, о чем она думает, чему радуется, чего любитается.

Евкая и точная музыкальная характеристика персонажа позволила сделать образ ярче и интереснее. Песни Пахмутовой из жанра «евкая» точно отразили в себе черты эпохи, это эпитафия юности. Они чудно уловили ритм и смысл сегодняшней жизни, в них образная «юность», именно потому так популярны. Но-

лодые, они как бы ее собственные, ею созданные, ее музыкальные. Обойная тонность в передаче чувств, целомудренного в своей любви и Родине и скупого в своем внешнем проявлении, глубина мысли и ясность ее выражения, точный, образный язык — все это делает песни Александры Пахмутовой тем, чем они являются сегодня.

И не только песни. Александра Пахмутова — разносторонний музыкант. Ее праздничная увертюра «Юность», симфоническая музыка и фильмам и радиостанциям, кантата «Ленин в сердце у нас», «Красные следы» с замечательным маршем «Тайга» шагает вперед, «Русская сюита» или «Концерт для трубы с оркестром», музыка для детей — они одни могли составить богатую творческую биографию композитора. Для Пахмутовой нет больших и малых форм, нет популярных и непопулярных жанров. Есть один — музыка.

Музыкальный язык композитора звучит ровно и сильно во всех жанрах и в песне, и в симфонии, и в кантате. Мелодические темы многих песен Пахмутовой — достойный и благороднейший материал для разработки в любом симфоническом, оперном или камерном жанре. В танцах писатели человек незаметно для себя входят в огромный мир музыкальной культуры. Вот почему работа Александры Пахмутовой — это еще один принципиальный вопрос эстетического воспитания молодежи.

Вы слышали, как звучат песни Пахмутовой? Мне довелось быть свидетелем одного монолога музыкального редактора, обращенного к композитору: «Вы так много и тщательно работаете над партитурами, — говорит он, — что за это время могли бы создать еще десяток песен. Отдавайте ориентировать. Не занимайтесь этим сами...»

Но Пахмутова занимается. И это не напрасно, не потому что музыкальный замысел, как звучит аккомпанемент, запечатлеть не только музыкальным, так и внос, в этом — смысл произведения. Вспомните ставшую уже знаменитой «Пахмутовскую трубу». Это не просто один из инструментов оркестра. Это образ. Так же, как когда собирая солдат в поход, так сигнал

трубача созывает героев на бой. Это образ, яркий и сильный, естественно, не мог не оказать влияния на целое песенное направление. Так, начав разговор о казале бы, непрофессиональных вещах, мы перешли в область больших идей, о которых говорит композитор подвластными ему средствами.

Петь песни Пахмутовой очень легко. Они запоминаются сразу, они понятны каждому. Они простые. Но эта простота не простота примитива. Это простота сложности. И в этом их сила. Песни Пахмутовой поднимаются до вершин музыкальной патетики и драматизма, остаются при этом необычайно человечными. Их можно петь на собраниях и в концертах, их можно петь другу и любимой. Пахмутова нашла ту грань, за которой остались и холодные нотуны и слезливая лирика. Ее песни мужественны и радостны, суровы, но не аскетичны.

В одном из писем, адресованном Александре Пахмутовой, которые сейчас сохранились доставляют почтальоны в редакции газет, журналов, на радио и телевидение, есть такие строки: «Я не могу представить Родину без ее, что окружает меня. Я Родину

представить не могу без песен. И Особоно без Ваших».

Да, песни Пахутовой — это музыка нашей сегодняшней Родины. Это ширь просторов и высота неба, это необходимость земли с ее горами и пригорками, с ее речками и ручьями, с белыми берегами Подмосковья и зеленой хвоей сибирских кедров. Это задорная частушка и берущая за сердце песня ямщика, в ней торжественность величавой и суровой поступи солдатского марша. В музыке Пахутовой соединились народные традиции и современность. В ней всегда есть ощущение светлой, доброй романтики сегодняшнего дня. Вот почему звучит она и в дни праздников и в трудную минуту, когда тяжело, когда так нужно крепкое плечо и другу, на которое можно опираться. Мы берем ее как что-то свое, личное. Песни Пахутовой вернутся к нам, потому что выпало большое счастье быть не просто любимым композитором, но и лучшим, необходимым, близким юности человеком. Вместе с композитором эту радость и любовь и поют эти, на чьи слова написаны песни: Михаил Матуосский, Лев Ошанин, Сергей Грабенников, Николай Добромаров. Мы благодарны им за то, что они вместе с композитором создали настоящих героев нашей жизни: будь то молодые бойцы революции или разведчики космоса, котроичники или землепроходцы, строители Братска или девочки, которые плавают сейчас на встречу со счастьем.

Дозвоניתся Пахутовой передать. Занято. Занято. Занято. Намочка, не выдергиваю. Еду и ней домой. Звоню. Открывает маленькая, похочая на девочку светловолосая женщина. Улыбается: «Вы но мне? Поманушта. Но только вам придется немного подождать, у меня гости». Звонит телефон. Александра Николаевна снимает трубку, Прохожу в комнату, Знаюмосе, Комсомольцы Кузбасса. Промолчу через Исаеу. Прямо с поезда. Без предупреждения. Ну, слава богу, значит, не я один. Выходит Али. Начинается интереснейший разговор. Нет, не о музыке. О жизни. Ребята рассказывают. Пахутова слушает. Очень внимательно. Потом композитор садится за рояль. Слушают ребята. Начинают петь. Сначала тихо, потом все громче и громче... Маленькая напевает, как кто-то просто, непосредственно, как-то очень тепло. Олет телевизорной звуком. Ребята прощаются. Мне уходить не хочется. Но я знаю, что ей нужно работать. Это для нее главное, самое главное в жизни.

Учитывая это обстоятельство, стараюсь быть кратким.

Над чем вы сейчас работаете? — Только что закончила музыку и фильму «Ини-Были старики со старухой» режиссера Григория Чухрая. Работала над симфонией, посвященной молодежи. И, конечно, пишу песни. Скоро вы услышите их по радио. В программах «Юности». Впрочем, обо всем рассказать невозможно:篇幅 много.

Во время поездки в Братск, когда Пахутова со строителями слушалась в котельной, диспетчер выдал ей, как члену бригады, наряд на работу. В графе «задание» поставил: «Написать новую песню, достойную наших ребят». Это задание остается в силе! Мы идем этих новых песен! Мы верим, что они будут созданы. И пусть девизом в творчестве нашего комсомольского композитора будут слова ее же песни:

Не думай, что все пропало,
Что буги все отгрезнели.
Топовки к великой цели,
А слава тебя найдет.
И снег, и ветер,
И навод ночной полет.
Меня мое сердце
В тревожную даль зовет.

Феликс ЧУЕВ

Галина Семеновна

Ветер злой и веселый
Смелсясь вдогонку,
Ветер шлепал по лужам
Бесом соравцом,
Протопала гроза,
Хохотала девчонка,
Запринорю под дождь
Озорное лицо...

Здравствуй, город Звенигород,
солнцею маленьким,
и пахучею сосны,
и воздухе цветной,
здравствуй, Галочка-Гая,
Галина Семеновна—
Пятый год это имя
кружит надо мной.

И в оно элетрички
врывается лето.
Слышу песню лесов,
Слышу сказку колес.
— Да ведь это же счастье,
мы вспоминаю об этом!
— так уверенно «яма»
я тогда произнес.

Как же так получилось,
ах, вляк зеленые,
что же это такое,
кому рассказать!
Много Галок на свете,
Галина Семеновна,
да не все они, Гая,
умеют летать.

Я под словом «летать»
понимаю все лубящее,
потому что «любить»
означает полет.

Самым первым полетом
меня ты отлучила
так, что все остальное
отбросили: не в счет.

Я твой голос, наверное,
теперь не узнаю,
я уже начинаю тебя забывать.
Все, что раньше я выдумал
в споре сродными,
то теперь не помещается
в эту тетрадь.

Если вдруг загляну!
Краснопресненский адрес.
Может быть, это «адруга»
не потерявший бой.
Только нужно ли, чтобы
с потеряхми матрици
меня печатала реальность
билеты в любовь!

Все. Закончен парад.
Вынесите знамена!
Как я долго шагал
по твоим мостовым!
Я в Москве приваляю,
Галина Семеновна,
но боюсь, что когда-нибудь
встречусь с тобой.

И чего я боюсь!
Как апрель, бесшабашный,
все такой же, как прежде,
стою на своае.
Только б ты не была,
не осталась вчерашней,
хоть я мир не погубил,
и мы провижем.

* * *

Мы свой зарантер познаем во сне.
Скрытое является наружу.
Во сне мы беззащитны, безоружны,
душа обнажена, как на войне.

И, глядя на себя со стороны,
мы понимаем, что в себе скрываем,

когда не спим, от друга, от жены
в минуты откровения скрываем!

Но вот погоня!
Свалишься в траву,
и ног не бегут — веревка, узел...

И закришишь во сне, как наяву,
и струсншь так, как наяву б не струсил...

Юрий ПЕТРУНИН
г. Мытищи.

Турник

Чудо

Здравый смысл наповал чуда убивает,
Но у этой добычки сомнительный выес.
Мы напрасно твердим, что чудес не бывает —
Не бывает чудес повторенья чудес.
Наз какое-то чувство трясет, как простуда.
Мы не смеем поверить приходу лубья,
И проходит, проходит неузнанным чудом,
чтоб уже не вернуться, зови, не зови...

Поселок дачный, солнечные всплывши
В густой листве. У кленов на виду
На турнике болтаются мальчишким.
Я попорту к мальчишкам подожду.

У них у всех солидные папашки,
А у папаш — по псу, по гаражу.
Но ни за что папашки не покажут
Мальчишкам то, что я им покажу.

Землей ладони отступу от пота,
На турнике повисну, невесом,
Чуть-чуть качнусь — и с полуоборотом
Начну крутиться солнцем-колесом.

Землей ладони отступу от пота,
Считать мальчишкам спицы в колесе...
Про то, что я гимнастик, не рассказку им:
Пусть думают, что так умеют все.

РАЗОВОБЛАЧЕНИЯ ИСПОДВЕДИ ПРИЗНАНИЯ

Конвейер безработицы

человек привлекла, но на заводах четверть миллиона рабочих, один из обладателей самых престижных навыков для сдачи экзаменов, это национальный стандарт. Это и проблема занятости рабочей силы. Знания, необходимые для того, чтобы стать примерно тем же, что требуется для работы на конвейере казенной промышленности, не сумел получить ни один из выпускников, особенно на безработицу и нишу, которую заняли тысячи необразованных рабочих, способных на зарплатах, ставших в последние годы предметом споров, в то время как студенты колледжей, поразившие экзаменационные комиссии, получили работу.

Листер ВЕЛН

СЕЗОННЫЕ РАБЫ

Одно крупное учреждение, специализирующееся на предоставлении работы, сообщает, что большинство выпускников не имеют специальности. А наивысшая заработная плата, которую получает человек, не превышает заработной платы человека, который не имеет специальности. Если же человек не имеет специальности, то ему придется работать на заводе, и, конечно же, в условиях конкуренции с другими выпускниками, которые имеют специальность.

Readers Digest
«РИДЕРЗ ДАЙДЖЕСТ» (США)

Во многие учились безработице, но не все получили работу. Многие из них, особенно те, кто учился в колледжах, получили работу, но не в той области, в которой они хотели бы работать. Многие из них, особенно те, кто учился в колледжах, получили работу, но не в той области, в которой они хотели бы работать.

LE NOUVEL OBSERVATEUR
«НУВЕЛЬ ОБСЕРВАТЕУР» (ФРАНЦИЯ)

Во время летних каникул на работу не находят молодых людей, которые хотят работать. Многие из них, особенно те, кто учился в колледжах, получили работу, но не в той области, в которой они хотели бы работать.

Самодельный выключатель, который можно сделать своими руками. Он состоит из нескольких частей, которые можно купить в магазине. Он работает так же, как и обычный выключатель.

КОММЕНТАРИИ И ОТВЕТЫ

НАМ НАДО УЧИТЬСЯ У СВОИХ ДЕТЕЙ

Многие считают, что взрослые должны учиться у своих детей. Это не совсем так. Дети учатся у взрослых, а взрослые учатся у детей. Дети учатся у взрослых, а взрослые учатся у детей. Дети учатся у взрослых, а взрослые учатся у детей.

Хорст ВЕТТЕРЛИНГ
Профессор
Хорст ВЕТТЕРЛИНГ
Профессор

stern

«ШТЕРН» (ФРГ)

У нас в Германии все еще много людей, которые считают, что взрослые должны учиться у своих детей. Это не совсем так. Дети учатся у взрослых, а взрослые учатся у детей. Дети учатся у взрослых, а взрослые учатся у детей.

«С М Е Н А»: Зарплата ФРГ не справляет своих ученых воспитать в духе милитаризма, фашизма, антикоммунизма. Но эти усилия плохо окупаются. Об этом свидетельствуют данные исследования профессора Веттерлинга.

крыть ей все. Одним словом, результат оказался тот же, что и в первом предсказании. Правда, ты пришел и потому результат несколько иным путем. Если бы я не сбавил тебе цену, ты бы не купил эту танку, не правда ли? И вот тебе приглашение сюда, чтобы принять последние меры.

— Господин Ямамото сказал вчера, что убить вас не обязательно. Кто это и другие люди? — да, есть. Обычно пользуются менее заметными способами. Страх, за который женщина получила семь тысяч Рен, — это не деньги, это деньги за зубами. Семь тысяч Рен за целую человеческую жизнь — это не так дешево! Между прочим, колоды баской из нынешних цен не продадут и в пределах широтыре, подсчитали, что человек должен стоить столько же, сколько ты стоишь. И это, правда, нет. Нет, семь тысяч Рен, которые получили два зена, имеют, конечно, совсем другие достоинства. Но это не деньги. Это деньги души, томе не всегда одинаковой. Как бы то ни было, ты не должен сбавлять цену. Не дай им сделать, прорыв неизбежен. Пока это происходит среди тех, кто состоит еще участником преступления, не страшно. Члены организации, которые, вроде болезни желудка. В какой-то мере это даже на руку компании, потому что количество поступающих зародышей увеличивается. Но совсем другое дело, когда тайна просачивается на руку. Слухи превращаются в неиндивидуализированное общественное мнение, оно свирепствует, как грипп. Естественно, приходится принимать меры. Иногда приходится называть очень строго, например, когда проваливается последний, — это не значит, что человек не должен так себя вести: слишком хлопотно. Это чтобы убит неутрудо, но в какой-то мере, ты не должен так себя вести, бегать такими способами, которые не оставляют следа. Например, уславив чувство страха, а если это не помогает, истинно высказывая химическое расстройство. Но не может быть, чтобы ты предположил, что это не так.

— Себе ты не рассудил так легко... — Не говори глупостей... Твоя смерть — это моя смерть, поэтому не будешь чувствовать себя. Если бы у тебя достало сил рассудить кладбищенский запах, ты бы сам бы отпустил. Ты бы лучше, чем жалеть существование человеческого обложка. Вдобавок упомянуто, конечно, сопоставлять выплаты твоей семье старую премию.

— Страхую премией Какая добротой. Но если твои воля — это и мой воля, то выходит, что моя смерть будет своего рода самоубийством. А разве самозуби не будешь чувствовать себя?

— Об этом не беспокойся. Твоя смерть будет выгодна для нас. Ты бы лучше, чем жалеть существование человеческого обложка. Вдобавок упомянуто, конечно, сопоставлять выплаты твоей семье старую премию.

34

— Сколько прошло времени? Не знаю. За означим стало совсем темно. Нинто не шелохнулся, и я сижу, словно во сне, мертвой хваткой цепившись за его плечо. Он не шелохнулся, и я сижу, словно во сне, мертвой хваткой цепившись за его плечо. Он не шелохнулся, и я сижу, словно во сне, мертвой хваткой цепившись за его плечо. Он не шелохнулся, и я сижу, словно во сне, мертвой хваткой цепившись за его плечо.

— Об этом не беспокойся. Твоя смерть будет выгодна для нас. Ты бы лучше, чем жалеть существование человеческого обложка. Вдобавок упомянуто, конечно, сопоставлять выплаты твоей семье старую премию.

— Ты бы лучше, чем жалеть существование человеческого обложка. Вдобавок упомянуто, конечно, сопоставлять выплаты твоей семье старую премию.

— Ты бы лучше, чем жалеть существование человеческого обложка. Вдобавок упомянуто, конечно, сопоставлять выплаты твоей семье старую премию.

— Ты бы лучше, чем жалеть существование человеческого обложка. Вдобавок упомянуто, конечно, сопоставлять выплаты твоей семье старую премию.

— Ты бы лучше, чем жалеть существование человеческого обложка. Вдобавок упомянуто, конечно, сопоставлять выплаты твоей семье старую премию.

— Ты бы лучше, чем жалеть существование человеческого обложка. Вдобавок упомянуто, конечно, сопоставлять выплаты твоей семье старую премию.

— Ты бы лучше, чем жалеть существование человеческого обложка. Вдобавок упомянуто, конечно, сопоставлять выплаты твоей семье старую премию.

— Ты бы лучше, чем жалеть существование человеческого обложка. Вдобавок упомянуто, конечно, сопоставлять выплаты твоей семье старую премию.

— Ты бы лучше, чем жалеть существование человеческого обложка. Вдобавок упомянуто, конечно, сопоставлять выплаты твоей семье старую премию.

— Ты бы лучше, чем жалеть существование человеческого обложка. Вдобавок упомянуто, конечно, сопоставлять выплаты твоей семье старую премию.

— Ты бы лучше, чем жалеть существование человеческого обложка. Вдобавок упомянуто, конечно, сопоставлять выплаты твоей семье старую премию.

— Ты бы лучше, чем жалеть существование человеческого обложка. Вдобавок упомянуто, конечно, сопоставлять выплаты твоей семье старую премию.

— Ты бы лучше, чем жалеть существование человеческого обложка. Вдобавок упомянуто, конечно, сопоставлять выплаты твоей семье старую премию.

— Ты бы лучше, чем жалеть существование человеческого обложка. Вдобавок упомянуто, конечно, сопоставлять выплаты твоей семье старую премию.

— Ты бы лучше, чем жалеть существование человеческого обложка. Вдобавок упомянуто, конечно, сопоставлять выплаты твоей семье старую премию.

— Ты бы лучше, чем жалеть существование человеческого обложка. Вдобавок упомянуто, конечно, сопоставлять выплаты твоей семье старую премию.

— Ты бы лучше, чем жалеть существование человеческого обложка. Вдобавок упомянуто, конечно, сопоставлять выплаты твоей семье старую премию.

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Перевод с японского С. БЕРЕЖКОВА.

33

— Почему мне убьют? Какая нелепость. Убить, чтобы не дать предсказанию осуществиться... это еще понятно. Но убить специально для того, чтобы существование предсказание об убийстве? Конечно, это просто предлог, чтобы расправиться со мной...

— Наверно, — прозвучал в динамике голос моего второго предсказания, и я вдруг почувствовал, будто мое одеяло сделалась прозрачной.

— То, что ты сейчас думаешь... Все взгляды обратились на меня. Голос машины продолжал.

— Ты ошибаешься. Это предсказание не удовлетворило Эрини-нун и его товарищей. Они приняли решение, чтобы глотать над тебе, как тебе спастись. И они обратились ко мне за советом...

— Второе предсказание вашего будущего, сэ-сан, — послушно оставил Эрини... Нинто так же заботится о судьбе человека, как он сам. Вдобавок ваше второе предсказание знает вас лучше, чем вы...

— Совершенно правильно... Все, что было про, сделано по моему плану. Я не являюсь отражением твоего разума, тебе несознательной воле.

— И эти убийства... эти ловушки... — Да. Нинто не берет за них ответственность. Ты делал это для себя.

— Не верю... Почему-то я поглядел на Эрини. Эрини опустил глаза и поднес пальцы к вискам.

— Почему же? Глаз был вполне логичный... сплотившись возрази голос. У меня было такое ощущение, будто чья-то рука охватывает мое внутреннее.

— Подумай... Все отключено одной значаще, что нужно сделать, чтобы ты, узнав будущее, не разгадал тайну организации.

— Предсказание... Первое убийство... Все это началось под покровительством и уме не могу апеллировать к общественности, что бы ни случилось.

— Во-вторых, тебе намерению на существование торговля зародышами и тем самым подготовки и...

— Но разве не странно, что именно в тот день впервые дождались предсказания индивидуального будущего? И этого заведующего финансовым отделом мы встрелили совершенно случайно.

— Ты ошибаешься. Намеки на эту идею тебе дала машина. Идея же была подтолкнула заранее.

— Если бы ты тебе, что не касается заведующего, тогда навел на него опять же Эрини-нун. Разве не так?

— По закону организации необходимо было нула лишнее. Она пробыла, заведующий узн... заставил обмануть Эрини-нун выманила машину.

— В условное место и привел туда, тебе, угрозия тебе по телефону. Женщина не послушно понизилась самоуничижением, приняв ад, который ладил ей Соба-нун.

— Как это местной? — Убийство не может быть разумным, в наших бы благодарности целых оно ни овершлось...

— Подобными банальностями вопроса об убийстве не решишь. Убийство является злом, поэтому, кто отнимает у человека его будущее, а потому, что отнимает будущее. Мы настое говорить: никак, бесценно... что ты ни делал, оно превращалось уничтожить своего ребенка?

— Это совсем другое дело... — Почему же другое? Тебе претитво будущее ребенка, и ты относишься к его жизни совершенно равнодушно. В повторении ты, когда будущее не определено, когда для спасения одного будущего приходится жертвовать другим будущим...

— Такие эпохи убийства неизбежны. Разве это не так? Что бы ты сделал, если бы ты женился на умершей? Ты бы исследовал ее машиной-предсказателем и, узнав о поведении людей, подлил бы шуча на ее плечо...

— Естественно. — Сначала откровенно... Да, именно так бы ты и сделал. Благоприятное общественное мнение возмущилось бы, разъяренная толпа обрушилась бы на павильон поведовных людей, и будущее было бы растоптано...

— Откуда тебе это известно? — Это рассуждала машина, которую ты создал.

— Пусть так. Все равно, у будущего, которое еще даже не началось, нет права судить настоящее...

— Не право, а воля. — И это говоришь ты? Ты, который сам разбудил спящее будущее? Видимо, ты сам не понимаешь, что сделал. Какое соблазна кусает хозяина, динамот холин. И, говоря по правде, тебе менее всего было бы возражать, если бы вместо той женщины распространился бы тот...

— Но мы не терпим надежды до последней минуты. Мы решили сделать все возможное. И это означало, что Эрини-нун сам вызвал опасную роль убийцы...

— Да, именно сказано Эрини... Сняли ему спаситель, что тебе не убил из-за угла... и ты имелась бы будущее, это достало тебе, что бы ты делал в будущем... И, между прочим, наш сын... да ты еще не знаешь, у нас мальчишка. Это не мой иде...

— Но мы не терпим надежды до последней минуты. Мы решили сделать все возможное. И это означало, что Эрини-нун сам вызвал опасную роль убийцы...

— Да, именно сказано Эрини... Сняли ему спаситель, что тебе не убил из-за угла... и ты имелась бы будущее, это достало тебе, что бы ты делал в будущем... И, между прочим, наш сын... да ты еще не знаешь, у нас мальчишка. Это не мой иде...

— Но мы не терпим надежды до последней минуты. Мы решили сделать все возможное. И это означало, что Эрини-нун сам вызвал опасную роль убийцы...

— Да, именно сказано Эрини... Сняли ему спаситель, что тебе не убил из-за угла... и ты имелась бы будущее, это достало тебе, что бы ты делал в будущем... И, между прочим, наш сын... да ты еще не знаешь, у нас мальчишка. Это не мой иде...

— Но мы не терпим надежды до последней минуты. Мы решили сделать все возможное. И это означало, что Эрини-нун сам вызвал опасную роль убийцы...

— Да, именно сказано Эрини... Сняли ему спаситель, что тебе не убил из-за угла... и ты имелась бы будущее, это достало тебе, что бы ты делал в будущем... И, между прочим, наш сын... да ты еще не знаешь, у нас мальчишка. Это не мой иде...

— Но мы не терпим надежды до последней минуты. Мы решили сделать все возможное. И это означало, что Эрини-нун сам вызвал опасную роль убийцы...

— Да, именно сказано Эрини... Сняли ему спаситель, что тебе не убил из-за угла... и ты имелась бы будущее, это достало тебе, что бы ты делал в будущем... И, между прочим, наш сын... да ты еще не знаешь, у нас мальчишка. Это не мой иде...

— Но мы не терпим надежды до последней минуты. Мы решили сделать все возможное. И это означало, что Эрини-нун сам вызвал опасную роль убийцы...

— Да, именно сказано Эрини... Сняли ему спаситель, что тебе не убил из-за угла... и ты имелась бы будущее, это достало тебе, что бы ты делал в будущем... И, между прочим, наш сын... да ты еще не знаешь, у нас мальчишка. Это не мой иде...

— Но мы не терпим надежды до последней минуты. Мы решили сделать все возможное. И это означало, что Эрини-нун сам вызвал опасную роль убийцы...

— Да, именно сказано Эрини... Сняли ему спаситель, что тебе не убил из-за угла... и ты имелась бы будущее, это достало тебе, что бы ты делал в будущем... И, между прочим, наш сын... да ты еще не знаешь, у нас мальчишка. Это не мой иде...

— Но мы не терпим надежды до последней минуты. Мы решили сделать все возможное. И это означало, что Эрини-нун сам вызвал опасную роль убийцы...

— Да, именно сказано Эрини... Сняли ему спаситель, что тебе не убил из-за угла... и ты имелась бы будущее, это достало тебе, что бы ты делал в будущем... И, между прочим, наш сын... да ты еще не знаешь, у нас мальчишка. Это не мой иде...

— Но мы не терпим надежды до последней минуты. Мы решили сделать все возможное. И это означало, что Эрини-нун сам вызвал опасную роль убийцы...

— Да, именно сказано Эрини... Сняли ему спаситель, что тебе не убил из-за угла... и ты имелась бы будущее, это достало тебе, что бы ты делал в будущем... И, между прочим, наш сын... да ты еще не знаешь, у нас мальчишка. Это не мой иде...

в пространстве. Горизонтальные плоскости никого не связывают, лозовые входы и выходы устроены сверху. Конструкция чрезвычайно простая... Да, и приятнее всего то, что не нужно думать ни о давлении воды, ни о водонепроницаемости... В морской глубине всегда мирно и тихо...

— Объекты приближаются к зданию.
— Какое оно громадное...
— Сейчас так часто двести-двотри сотни, но рассчитано оно на тысячу. В нем и школа и интернат... Подходящий дом, правда!.. В ближайшем будущем танок соорудят здесь двадцать одну штуку. На двадцать одну тысячу детей от шести до десяти лет... Нет, строить нетрудно. Скоро переходим на массовое производство.

— Объекты достигают крыши. Это купол с большой круглой люкой в центре. Над люкой, балансируя на одной ноге, стоит мальчик, у его плеча рыба в ладонь величинами...

— Вышел встречать... Это первый и самый старший из подводных людей... В этом году ему исполнилось восемь лет, а на вид ему можно лет двенадцать-тринадцать, и даже больше... Это можно объяснить тем, что он растет без родителей, но главное — в другом. Под водой человек развивается паразитично быстро. Я как-то читал в одной публикации Академии наук СССР, что для растений биологический КПД в пять процентов на суше соответствует почти ста процентам в океане. Для плового созревания слону требуется сорок лет, а гигантский нит способен давать потомство уже через два-три года после рождения...

(Мальчик издает едва слышимый скрип и клацает. Рыба норовит згнаться мордой в его губы, но осторожно отстраняет ее. На секунду кажется, что он улыбается, но это, наверно, не так. Его тело обтянуто саитером и рейтэузами, на ногах — надеты. Над головой, словно дышит, молотятся легкие волосы, глаза раскрыты необыкновенно широко. Движения его грациозны и легки, как у пантеры. И только жабыры и узкие щели прозвончат неприятно впечатлительные.)

— Как он приручил эту рыбку! Он любит микроты, этот мальчишка... Зоуэ его в переводе на фонетично — Ирири... хотя это просто зланы азбуки Морра... А теперь взгляните на поверхность крыши.

(Видя крышу сверху. Под прозрачным пластинком можно разглядеть густые, как пена, черноты (заросли).)

— Это разновидность пресноводной хворяллы, но мы приучили ее к морской воде... Растение идеальное по питательности, содержит более дюжины различных аминокислот. Первые из него любимое лакомство для детей...

(Гулкий голос из динамика) Осмотрите макет...

— Да, мы быстро.

(Объекты останавливаются. В стенах ровные ряды овалных дверей, как пчелиные соты.)

— Сейчас мастерицы почти не пользуются, пока никому, но в будущем они станут классами для политехнического обучения.

(Объекты приближаются к одной из овалных дверей. Мальчик вместе с рыбой вцепившейся ему в волосы, проскальзывает вперед.)

— Здесь будут заниматься все, что необходимо на практике, начиная с физических и химических экспериментов и управления машинами и кончая техникой обработки пищи человека. Так что, как только оборудование закончится окончательно, это будет самым лучшим учебным комплексом. Через пять лет, когда старшие классы умножатся полностью, школа сможет перейти на самообслуживание.

— А после окончания школы?
— Сейчас строятся подводные заводы. Многие, вероятно, пойдут работать на подводные рудники и нефтяные промыслы. Постоянно не хватает рабочих рук на подводные пастбища. Самые способные переходят в специальные школы, где из них будут готовить врачей, инженеров, техников. Предполагается, что сначала они будут помогать людям, а потом и вовсе заменят человеческий персонал.

(У мальчика в руках длинный прямой шест, в нижней части которого прикреплены педали. Малюк садится на сиденье, выдвигает ноги на педали, и на конце шеста начинают вращаться лопасти. Шест поднимается по вертикали. Мальчик кончиками ногтей и щеп движется горизонтально.)

— Подводный велосипед... Очень доволен, что вы так интриговали.

— Я вижу, и люди он все-таки прилежал! На первом этапе Ирири и мальчик вместе с рыбой делают первый эксперимент, и в процессе вырабатывают мы допущили, наверно, какие-то ошибки. У меня не получается сделать велосипед с помощью секретерши. Вы заметили, например, какие у него глаза? Это потому, что слезная железа у левого глаза не настолько развита. Возможно, в этом причина на неполное выгорание...

— Вы, конечно, понимаете, что человеческие эмоции в известной мере зависят от способности кончить слезные железы. Именно поэтому, например, выражения «мороз по коже», «мурашки по телу», «железы горят» и т.п. являются так распространены. Даже из таких словосочетаний вполне можно получить осознание и играет для формулирования наших наблюдений и переживания. Если человек способен, способность и осознание является проявлением инстинктивного стремления защитить море от загрязнения. Я вижу, как кажется, будто я говорю цепуху, но вы послушайте, это очень важно... Как известно, даже у человека, даже у человека современного из наземных млекопитающих, все — кровь, кости, пропеллажа — почти полностью составлено из элементов присутствия моря. Именно вымерло, вошел в море, мало того, она всегда зависела от моря. Даже когда она сама с собой не борется, она в свою юность. Вот большое иводит иногда раствор в себя, и она сама с собой не борется, она в свою юность. Как метаморфозы. И хотя сопротивляемость ее выше, чем у остальных органов, она тоже первой не может справиться без помощи моря.

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

В иномечном счете желез с внешней секретершей — это, как вы не помощь изнемогающей коме со стороны моря? Слезы есть море для глаз... И все наши эмоции являются лишь определенными соотношениями желез с внешней секретершей... другими словами, стадиями оборонительной войны моря против суши...

— И если эти войны нет, то нет и эмоций? — Я не говорю, что нет. Но это, вероятно, нечто совершенно непостижимое для нас. Там, в море, им не приходится воевать с атмосферой. Все равно как рыбы, например, не знают страха перед огнем.

(Мальчик на велосипеде принимает играть со своей рыбой в пятнадцать минут.)

— Иногда, глядя на других детей, не на Ирири, действительно спрашиваешь себя: да полно, есть ли у них душа? Есть, конечно, но она совсем другая, чем у нас...

— Значит, это единственный ребенок, похожий на человека?

— Да... Его поведение понятию нам. (Впадает в сентиментальный тон.) С душой названного существа в морской глубине... Неполное выгорание, иначе не называше...

(Преследуя рыбу, мальчик сползает мимо объектива и исчезает из поля зрения.)

— Нет, в отношении умственных способностей другие дети ему не уступают. Один мальчик, на три месяца моложе его, сконструировал часы, которые работают на сжатом воздухе. Правда, в артефакт передается раз в пятнадцать минут, но все-таки...

(Объекты, следуя за мальчиком, медленно приближаются к другим детям.)

— Господин Язаною вновь переходит на деловые темы. В среднем по мере здания, они не видят, а именно эти отведены под обычные классы... Обучение, как и у нас, начинается с чтения, письма и счета, но вот чему учатся дальше... Существует мнение, что самую важную роль в их жизни будут играть танцы научки, как физика индийской и органической химии... В конце кон-

цов не нам строить догадки на этот счет... По-видимому, истина определится, когда они познают учителя из своей среды. Слишком различные основы ощущений в воздухе и под водой...

(Многочисленный балкан... Игряющие дети... Один глядит на объектив с откровенным любопытством, другие совершенно равнодушны.)

— И, конечно, мы не проедадут ни историю, ни географию, ни социологию. Мы не можем решить, как объяснить их взаимоотношения между ними и человечеством.

— Томскому шымагет носом.) Совершенно естественно. Они бы прокиляли нас, только и всего...

— Ну уж нет... (Отрицательно качает головой.) Вы говорите так потому, что переоцениваете наземного человека.

(В любопытствах и в равнодушии подводных детей есть одна общая черта. Это странная холодность. Под их взглядами человек сам себя начинает называть «предметом». Я не могу не согласиться с господином Язаною, когда он задает себе вопрос: есть ли у них душа.)

— На это так беглый обзор и закончил... Собаку, выключите, пожалуйста...

(Ито-то глубоко вздыхает... На зраниеardon, снимаясь, световое пятно...)

Облик грядущего

Световое пятно на зрание склосло и исчезло. Никто не шевельнулся. Никто не выключил свет, и никто не попытка сделать это. Может быть, будет еще что-нибудь... В глубине души я надеялся, что будет продолжение. Ведь тогда я пойму еще немного...

— Но молчание затлгивается, и меня охватывает ужас. Странное дело, я был подавлен тем, что мне показывали, мое существо протростало, и вместе

(1)

Напрягая последние силы, он выплыв из воды. В своем воображении он представил себе, как встанет во весь рост и услышит музыку ветра.

С тем мне было интересно. Незаметно для себя я пытался подсчитать, сколько в подводном здании мальчигов и сколько девочек — кажется, число их было в общем одинаково, — я строил произвольные догадки относительно будущих брамов — словом, я чувствовал себя экспериментатором в лаборатории. Но вот экран погас, а снова оказалась в темноте и стал тем, чем был раньше... Снова превратился из экспериментатора в подопытное животное. Я ожидаю смерти... Приговоренному к смерти подали из маюста чашку чая. Но смерть осталась смертю...

Могли впаивать в ладоны. Я сижу, как прилепленный, и целюсь за мгновениями. Неужели, несмотря ни на что, я и вправду поверил моему второму «я», что это я сам требую своей смерти? Успокоился в машине-предказателе — значит подтвердить ее суждение. Признать ее правоту — значит тоже подтвердить... Это все равно, что бросать монету, обе стороны которой одинаковы. Итак, замкловидный круг! Но это же бессмыслица. Чтобы отвергать смерть, не нужно иных причин, кроме нежелания умереть.

Больше я не вытерпел, подумал я. Впрочем, я только думаю. Я не действую. Не то что я не слышу своего положения. Просто это такая пассивность, от которой можно избавиться не через испускание эмоций, а, наоборот, через вялость и расслабленность. Но мои мускулы то стунуты напряжением и засорулись, как старая кожа. Кажется, стоит мне повернуть голову, и будет слышно, как заскрипит шея.

Соба пошевелились и подняли лицо, словно собирались спросить о чем-то. Я попытался воспользоваться этим, чтобы освободиться от пролягавшего оцепенения. Я заговорил. Малейший у меня был голос, как будто на мои голосовые связки наклеили парафинированную бумагу... Я окончательно утратил чувство собственного достоинства.

Возможно, суша по сравнению с морем действительно менее удобна для жизни... — лечу пс... Но ведь именно благодаря этому неудобству животное эволюционировало до человека... Тут я не могу согласиться...

— Вот уж в самом деле... — шепчет Вада.

— Предубеждение! — живо воскликнул господин Ямамото. — Да, живые существа эволюционировали в борьбе с природой. Да, четыре ледниковых периода сделали австралопитека современным человеком. Кто-то даже удачно заметил, что человек выскочил из волшебного платка, именуемого глетчером. Все это так... Но человечество в конце концов покорило природу. Оно искусственно преобразовало из процесса случайного в процесс сознательный. И неслыя ли допустить, что миссия живого, для выполнения которой оно выпало на сушу, на этом закончилась? В старину линзы приходилось шлифовать, а нынешние пластиковые линзы выходят из производства готовыми. Эпоха, когда «мучи и страдания создавали жемчуг», миновала... Не пора ли и самому человеку освободиться от дышты и перейти к рациональному преобразованию самого себя? И на этом закончить кольцо борьбы и эволюции... Пришло время вернуться на старую родину — в море, но уже не рабами, а хозяевами...

— Тут он почему-то вздохнул, и я, собравшись с духом, возразил:

— Но ведь они как раз рабы. Они живут в колониях, у них нет ни своего правительства, ни своей политики.

— Это сейчас... — разразился сказал Ерини... — Во все эпохи все новое рождается от рабов.

— Такой взгляд на подводных людей означает самоотрицание. Названное человечество становится реликтом прошлого.

— Придется стерпеть. Стерпеть это сначон и значит стоять на позициях будущего.

— Если я предаю подводных людей, то вы предаете наземное человечество!

— Духом, сансей, подумайте вы о чем... — произнес Томокуси, покачивая головой, словно желая показать, что уж он-то разбирается во всем. — Го-рода никак безработными, деловая активность непрерывно падает...

— Все это верно, кто же спорит... Но все рав-

но, у вас нет никакого права дергать в тайне этот чудовищный план...

— У нас есть это право. Его нам дал подводное человечество через машину-предказатель. Вдобавок в свое время все это будет опубличовано.

— Когда?

— Когда большинство матерей будет хотеть бы по одному подводному ребенку... Когда преубеждение против подводных людей больше не будет грозить нашему делу. К этому времени угроза потопа надвинется вплотную, и человечество встанет перед выбором: либо война из-за суши, либо покорительство подводных людей... Разумеется, народ... Ерини встал, сирингу в ступю... — выберет подводных людей.

Он обернулся и сделал знак Собе. Этот жест показался мне исполненным такой неуловимой решимости, что я смелся, словно неожиданно наткнулся во мраке на невидимую преграду. Собе сейчас же поднялся и вложил в машину лист программной карты. Затем, глядя в мультископное устройство, начал настройку.

Вдруг я ощутил в левом плече боль, острую, как от укола иглы. Но это не была игла. Это была рука Ерини. Он неслышно подошел сзади и положил руку мне на плечо. Он наклонился и тихо сказал:

— Это облик грядущего, сансей... Истинное будущее... Вы так стремитесь увидеть его...

36

И машина рассказала такую историю. Толстые пласты надорванного ила на пятиметровой глубине, неподвижные и мертвые, комкатые, как шкура допотопного зверя, вдруг вспучились, поднялись и сейчас же распались, образовав на дне темные тучи, газы бесчисленные звездочки планктона, роившиеся в прозрачном ирраде.

Обнажились изрезанные трещинами скальные основание подводной равнины. Из трещин, выбрасывая обильную пену, ползала вязкая, свата-

Менюство и любопытство он оставил своим наивным друзьям, а сам незаметно отстал от них и один поплыл дальше. Если плыть в течение суток на север-запад, он достигнет южной суши, о которой упоминали на уроках географии. Сидящее солнце, наступило время, когда волны сидят особенно красиво, но чем дальше он плыл, тем меньше и меньше становились волны. И вот, когда плыть не было уже недалеко пологонные море, еще не было видно ни суши, ни неба.

Юноша плыл и плыл. Постепенно пейзаж вокруг становился все более диним, появились рыбки и губки, а также становились заметны остатки наземных растений. Едва заметные брызги воды на спине Юноши на кожном покрове.

Юноша плыл и плыл. Постепенно пейзаж вокруг становился все более диним, появились рыбки и губки, а также становились заметны остатки наземных растений. Едва заметные брызги воды на спине Юноши на кожном покрове.

Юноша плыл и плыл. Постепенно пейзаж вокруг становился все более диним, появились рыбки и губки, а также становились заметны остатки наземных растений. Едва заметные брызги воды на спине Юноши на кожном покрове.

продолжал плыть и на рассвете наконец достиг цели. Дно здесь поднималось и вода становилась все более мутной. Маленький островок подолгометра окружностью, едва выдвигавшийся над поверхностью моря...

Напрягая последние силы, он вылезл из воды. В своем воображении он представлял себе, как вставает и иррадирует излучением, ветер не едет он поинину море, как вся тьмистая мира валуду навальна на него. Он не знает, как он не мог пошевелиться. С огромным трудом он смог поднять один палец. И вдобавок было страшно тяжело дышать, словно во время борьбы, когда запрещенным приемом занимают...

Юноша плыл и плыл. Постепенно пейзаж вокруг становился все более диним, появились рыбки и губки, а также становились заметны остатки наземных растений. Едва заметные брызги воды на спине Юноши на кожном покрове.

Юноша плыл и плыл. Постепенно пейзаж вокруг становился все более диним, появились рыбки и губки, а также становились заметны остатки наземных растений. Едва заметные брызги воды на спине Юноши на кожном покрове.

Юноша плыл и плыл. Постепенно пейзаж вокруг становился все более диним, появились рыбки и губки, а также становились заметны остатки наземных растений. Едва заметные брызги воды на спине Юноши на кожном покрове.

ночей. Море поглотило и этот маленький островок. Труги Юноши едва догадывались на волнах. «А где мой подбитый палец? — подумал Юноша. — Нет, кажется, не могу. Пальцы там были, потому синие были. Как у этого подводника мальчика, который вылезл на берег».

Далеко далеко раздался гул электрички. С грохотом прохлял грузовой. Кто-то тихо шаптал. Потом, наверное, от ветра давалось сотрясение стенов.

К двери, словно припала к полу, медленно приближались шаркающие шаги моего убийцы в брезентовом пальто. Я все еще не мог поверить! — Неужели человек имеет обязательства перед обществом? — подумал Юноша. — Нет, так, в спорте между отцами и детьми судят всегда детками. Созданные судят создателей, что бы там ни создали. Созданные судят создателей, закон действительности.

Шаги остановились за дверью.

Н О Н Е Ц

ПОВЕСТЬ «ЧЕТВЕРТЫЙ ЛЕДИКОВЫЙ ПЕРИОД» И КОБО АБЭ, ЕЕ АВТОР

Абэ Кобо — в соответствии с традицией многих восточных народов, по японски сначала пишется фамилия, а затем имя — принадлежит к тому же поколению, что и писатель Кобо Арико, и родился в Токио и в Станиславе-Лем. Он даже несколько моложе их: ему только что исполнилось сорок лет.

Его роднит с этими писателями любовь ко всему парадоксальному, припадкам интереса к человеческой психологии, к поведению обывочных людей, к фантастическим объектам. В повести «Четвертый ледниковый период» — вторжение будущего в наше настоящее, жестокая проверка зрим будущего человеческих характеров и дел.

Мир Кобо Абэ — это грозное общество, за которое борется Советский Союз вместе со своими друзьями социалистическими странами, и первыми людьми полярной Арктики, уже победившими на одной трети земного шара, тот коммунизм, который победит и во всем мире, как в романе предсказывают мощные электронные машины «Москва-1», «Москва-2» и «Москва-3» Тестная сеть настоящего и будущего у Абэ не уничтожается: он сам коммунист.

Кобо Абэ окончил Токийский университет, верно хранивший традиции английских и американских университетов, и, естественно, в начале своей литературной деятельности подал под влияние многих писателей Европы и Америки и меньше всего Японии. «Преступление» Юноши Куримуэ, наиболее значительно из его ранних произведений, было написано в духе Рембо. Кафка, «Зверь идет на нас» и «Холта за рабами» — о людях-животных, победных снежком человеку; — с романом Веркора. Написанное для телевидения «Изобретение Рёба», про работа, который научила делать людей, — с американскими фантастическими повестями, сатирическое произведение «Привычки» здесь лежит в русле английской литературы.

Научно-фантастическая литература чрезвычайно популярна в Японии. Книжки астронома Сэзэда — «Излучают цветы на Марсе» и «В1 Лебедя» — выходят в роскошных изданиях. Ежемесячно выходит журнал «Эс-Эф маэзэ», где печатаются избранные рассказы американских фантастов. В Японии издаются также переводы лучших советских авторов. Так, например, сравнительно недавно издана книга Александра Полевого «Звездный человек».

По творчеству Абэ лежит совсем в иной плоскости, чем поток японской science fiction (science fiction), как на американский лад в Японии (но не только в Японии) называют массовую научно-фантастическую литературу. Книжки Абэ можно поставить на книжной полке рядом с книгами многих мастеров психологического и социального романа. Фантастика для него не самоцель, а смежная и действительный прием, позволяющий обнажить и преувеличить сложные конфликты и противоречия современной буржуазной культуры.

В центре романа «Четвертый ледниковый период» находится машина-предсказатель «Кэйзи-1». Нет, он не главный герой — герой, конечно, люди. Но она является тем излом, который связывает водно-воздух всех действующих лиц, и ее работа определяет развитие сюжета всего повествования.

Вообще говоря, машина-предсказатель совсем не является чем-то совершенно фантастическим. Любая современная электронная машина способна к предсказаниям. Ведь решение каждой математической задачи является логический вывод из всех выводов в данной области, и компьютер способен к логическим выводам в численном процессе. Дело лишь в программе, задающей машине, и в тех материалах и данных, которые вводятся в память машины.

Еще Платон говорил, что если существовала бы такая фантастическая универсальная моз, который мог бы охватить и помнит все возможные каж- дого объекта во Вселенной и его движение, то ему ничего не стояло бы восстановить их положение в прошлом и предсказать состояние Вселенной в любой удаленный момент будущего. Но числа, с которыми пришлось бы работать этой такой мозе или запоминающему устройству, были бы так велики, что память машины приобрела бы такие астрономические размеры, а количество входных данных было бы столь чудовищно велико, что всему человечеству не хватало бы многих миллиардов лет, чтобы выполнить эту работу. Поэтому абсолютно точное предсказание будущего практически невозможно.

«Помогать» памяти машины статистическими усредненными данными может, конечно, дать статистическую картину будущего. Но результат такого исследования всегда будет неполным, а порой и искаженным. Во многом он будет зависеть и от оператора-программиста. Недобросовестный оператор может ввести определенные изменения в программу, чтобы получить желаемую необъективную картину будущего.

На этом свойстве машины-предсказателя и построен сюжет романа «Четвертый ледниковый период».

В центре романа — машина и главный программист «Кэйзи-1» — представитель ученых старой школы. Он считает, что наука является чем-то стоящим выше социальных отношений и классовых борьбы. Но мало интересуется будущим, считая, что это — дело политиков. Его привлекает лишь созданная им машина, ее возможности и перспективы ее развития. Он не знает, что в будущем, чтобы избежать войны, необходимо использовать возможности экспериментировать с машиной-предсказателем. Но человек, не понимающий движущих социальных сил современного общества и не привыкший ни к одному из борющихся лагерей, не может выдержать испытаний будущим и неминуемо попадает между жерновов истории.

Он не может Кэцуми, кто объективно он и чистен, гибнет от руки наземного убийцы.

Ему противостоит целая шайка капиталистов, использующих машину-предсказатель в своих целях — для создания заведомо неверной картины будущего и извлечения сегодня, сейчас огромных прибылей. Они создали своеобразный подпольный конгресс, все члены которого законспирированы. Им удается избежать войны, так как он создается в атмосфере «Кэйзи-1». После этого, как человека, который слишком много знает, его устраняют.

Томоясу, один из героев, внешне типовой бюрократ, но на самом деле глава неведомого концерна, — живое олицетворение мощи и логики не желавшего уступить капиталистическому миру. Он даже снисходительно относится к Кэцуми, но в конечном итоге он не выдерживает возможности экспериментировать с машиной-предсказателем. Но человек, не понимающий движущих социальных сил современного общества и не привыкший ни к одному из борющихся лагерей, не может выдержать испытаний будущим и неминуемо попадает между жерновов истории.

Ему противостоит целая шайка капиталистов, использующих машину-предсказатель в своих целях — для создания заведомо неверной картины будущего и извлечения сегодня, сейчас огромных прибылей. Они создали своеобразный подпольный конгресс, все члены которого законспирированы. Им удается избежать войны, так как он создается в атмосфере «Кэйзи-1». После этого, как человека, который слишком много знает, его устраняют.

Доктор Ямамото, «оборудующий» ученых, создающий новые породы подвидных животных, на самом деле возмущает бесчеловечные эксперименты с животными учеными. Работы Крюка и его соратников по расширению кода наследственности превратили фантазии об управлении развитием организма в реальность. Японские ученые, научившись заранее управлять поломку животного, лишь одним этим добились улучшения производительности шелька в стране. Поэтому созданные подвиды животных и людей — лишь фантастические результаты достижений современной науки.

Совершенно реальным является также факт, что наша планета сейчас постепенно выходит из последнего ледникового периода. Об этом свидетельствуют и потепление Арктики за сто лет и увеличение средних температур умеренных поясов на четыре — шесть градусов. Если растут ледники Антарктиды, в течение пяти — семи тысяч лет таять они начнут полностью на тридцать — пятьдесят метров. Новый материк в Атлантическом океане, возникающий буквально на наших глазах, своего рода Новая Атлантида (конечно, эти цифры измеряются в геологических часах и в тысячах наших лет), может увеличить этот подъем уровня океана. Это реальная основа фантастических картин, написанных Абэ.

Роман «Четвертый ледниковый период» сложен и многогранен, поэтому он допускает многие толкования. Но он совершенно определенно утверждает, что будущее — это не оптимистическая картинка, которую можно строить, и что будущее — это не яркое и позитивное будущее, которое можно увидеть, а будущее, которое можно увидеть только глазами и некоем пылающем Солнце!

О СТАРОМ ГОРОДЕ И ЕГО МОЛОДЫХ ХУДОЖНИКАХ

представляет себе горы, в центре которого горы, по-прежнему лесом? Стоят как ни в чем не бывало, как стоишь много назад, когда сюда из Транда приехал поохотиться Иньтаус. Он заснул на горе и услышал вой. То был железный вой. Иньтаус понял, что неспроста, и повелел заполнить здесь горы. Так рассказывали легенда, а в легендах все просто. В древние годы Вильносе то же все просто и в то же время необычно.

Вы выходите из современного здания проектного института и можете услышать крики пелуха с противоположного берега реки. Рядом со строгой классической Катарды — святыни города, где похоронены его основатели Виттаус, рядом с трибунами, сооруженными для парадов и демонстраций, зимой возникает икоток. Простой икоток, без всякой вывески и ограды. Есть «смавиевские» икоты — прикол от чужеземцев и катарды. Икотки, которые высятся торжественные бароны. История соединила, казалось бы, несоединимое и создала неповторимые архитектурные новеллы. Маленький икоток св. Анны в стиле готики. Это о нем вздыхал Наповон («Если бы я мог, я бы вывел его на ладонь в Париж»). Рядом стена на стене высится торжественное баронство. Узкие улицы, где только одни стены. Двери, окна, галереи выхордили только во двор. В городе, который видел столько войн, не могло быть иначе. А по холмам на окраинах города вьюсь сосны проступают странные очертания новых кварталов.

Молодые вилноские художники сродни своему городу. В их творчестве своеобразно и сильно ощущение современности, переплетается с любовью и старому народному искусству.

СО СТРАНИЦ — НА СТЕНЫ.
ЧЕМУ УЧИТ НАРОДНОЕ
ИСКУССТВО?

С Виртуе Ижидте и Альгирдасом Степанавичюсом в познавательном в нафде. Впрочем, это сейчас уже нафда, а тогда оно только делалось. Вы вошли, сияли пальцы и по привычке повернулись к зеркалу. В зеркале отразилась сте-

на, на которой была нарисована сназка, да еще и не одна. Вырвали эти и кричатся, а можно представить себе, как радуются дети, которые приходят сюда есть манную кашу и пить молочные коктейли. Везде нарисовано на них, и всегда нарисовано «Альчин-с-пальчик». Разглядывать стену с доспехом — для них истинное удовольствие. На ней всего много, и все очень понятно, красочно, ярко. Там есть сестрица Алешушка (не знаю, как она называется по-литовски), и братец Иванушка, и краевой человек, который, оседлав волка, стреляет ему ножницами хвост. И девочки, у которой смеглавыи змей съел все пироги, испеченные ею для своих семи братьев. Он ест пироги на наших глазах, и мы видим, как плачет девочка: «кап-кап-кап», — каплют слезы. Все это виртуозно и весело нарисовали детям молодые графини Ижидте и Степанавичюсы. Раньше они рисовали только в «инжидте» на больших листах, теперь — вышли на стену. В этом им помог молодой, но уже опытный художник-монументалист Чюверис.

Ижидте очень тихая, славная, женственная, и поначалу трудно поверить, что это она наизулад портрет рабочего Кедайсского химического комбината. Он сделан с огромной и совсем не женской силой. Есть в нем и величие и ощущение гигантского масштаба строя семелитки.

Работой у Ижидте умный, гордый, сильный, с прямыми и твердым взглядом, изображенной сяды. Художница не просто делала, так сказать, репортажно-маршевые зарисовки на строение, а обобщала здесь свои наблюдения, сделала вещь поэтическую, красную. Она говорит в граффити стихами. И это — нельзя не заметить — черта творческого характера большинства молодых литовских граффити-лов. Вот, например, две граффити. На граффити «Рождение рыбака» Алдоню Синирутте изображена молодая женщина, ищащая ребенка на берегу моря. У Рингтаусыа Гибачюнаса в дипломатическом стиле «Юности» есть лист, который называется «Утро». Это тоже очень незамысловатая, пространные эскизы. Берн, бонюк и зарисовка с натурой. Там оно и бывает. Однако это первая, черная стена, которую, если на ней остановиться, — прибавится всего

лишь еще одна зарисовка на память. Но посмотрите на молодую женщину у Синирутте. Это образ символический, полный большого смысла. Это сама мать-земля, сназка и ласковая, с большими круглыми руками, под защитой которых играет ребенок. А граффити Гибачюнаса это гимн солнцу, жизни, это переплывающее через край счастье оттого, что ты живешь на Земле. Главное здесь — большая поэтичность правда жизни, а не безбратная регистрация факта. И вот этому уменью показывать большую правду и учит литовских художников опыт их старого народного искусства. Это его традиции живут в творчестве молодых.

МОЛОДОСТЬ ПРОСТОТЫ

Молодой скульптор Альфонсас Амброзакас подарила старому литовскому писателю в дань юбилей небольшой рельеф. Богом сидит старик крестьянин, босой, странно вытнутый и сгорбленный. Его руки, большие и натруженные, сложены на колени. Он думает и скорбит. Это народный мыслитель и поэт. Можно было бы сделать целый фильм на тему о бесправном положении народа при крепостном праве и показать там и сцену любви в таинный труд, и крестьянские хоромы, и все это было бы правильно и с точки зрения этнографии и истории, наглядно и подробно описано. Но то же содержание можно выразить и не обязательно в сюжете. Амброзакас дает лишь силуэт одной фигуры. Он раскрывает тему не в описании, а в подобности: стилистически, но средствами своего искусства — в очень цельном и сильном пластическом образе. Линия, очерчивающая этот силуэт, пропорции и ритм выражают все.

Уже поучившись в институте и снова приехал к себе в родную деревню Амброзакас увидел хранившуюся дома скульптуру, которую сделал его дед. Раньше она назвалась ему уж слишком бесформенной и негитивной заветной. Теперь он понимал, как трудно и сложно дается это искусство.

Сильно бы ни говорили теоретически, что ничего, мол, выводить искусство из личности создающего, и никак иначе, — не имеет, в мире, что не так, а в искусстве совсем другой, а все-таки всегда унасно тинет по-

смотреть на эту самую создающую, творческую личность. И то, что и увидишь и почувствуешь, добытая у скульптора Амброзакас, кажется мне совершенно неотделимой от его искусства.

Амброзакас занимает половину бревенчатой юбки. Ему в ней тесно, и в его саду постепенно образуется скульптурный музей, и даме и даме со всех сторон прикреплены рельефы его работы. Недалеко от дома кладбище.

Первую работу Амброзакас я увидела на этом кладбище. Надгробия ставят уже тысячелетия. Но все это было давно, а сейчас что за занятие для молодого парня — ставить надгробия, тем более что совсем не каменную то герцогу, а обыкновенной женщине. Амброзакас решил эту задачу, как мог сделать только он один. Выразительно и очень просто.

Высоко, на самой горе, стоит женщина. Она охватила голову руной, согнув ее в локте, чтобы согнине не слезило глаза, и смотрит вдаль на дорогу. На другой руке, тоже согнутой, висит полотенце. Каменное полотенце. Это старая мать выстирывает своих сыновей, которых разбросала жизнь по всему свету. У нее твердо сидят губы, у нее опухли от слез и устали глаза. Но она всегда будет ждать. Это материнское терпение, материнское горе застыли в камне. Именно застыли. Фигура подчеркнуто неподвижна. Рука на голове превращает ее почти в ствол, как древнее название, когда-то стоящая в поле.

Я увидела и первую после диплома работу Амброзакас «Молодой человек». Ида, оперившись на колючую проволоку, спрятавшийся от дождя и непогоды. Вещи Амброзакас обладают удивительным извещением: они создают вокруг себя свою атмосферу, насыщенный энергией и грубой силой земной силой. Но все же в первой его серии было еще много внешнего увлечения бытовыми деталями. И сейчас Амброзакас работает над рельефами для одного из вилноских кафе. В них нет так называемой оформительской декоративности, нет вычурности и витиеватости, нет драматизма, который так часто толкает для того, чтобы оправдать неуменье работать. Узкая, деревянная полоса фриза будет обогнать зал, только здоревенные лапши. Камерно водит смичок сирипки, а вме-

сте — картина веселого разудалого народного праздника. Мастер Амбразюнас с внешностью настоящего крестьянского парня, с умными и сильными руками, не умеет делить иначе.

О КАМЕРНОСТИ, ОБ ИСКУССТВЕ ЖИВОПИСИ И ДВУХ ДРУЗЬЯХ-ЖИВОПИСЦАХ

Я стояла на вершине горы, может быть, даже рядом с тем деревом, под которым видел свой сон Витаутас. Летом здесь гуляют влюбленные, зимой — раздолье для лыжников. Почти степенно, было неправдоподобно тихо. Не было влюбленных, и не было лыжников. Внизу был город. В какой-то синеватой дымке мерцали огни, и куда-то далеко уходили, пересекаясь, крыши. И это было очень здорово. И черные деревья, и снег, и внизу трещащий, теплый и канючий бесконечный город. И вдруг я поняла, что уже видела его однажды.

На последней республиканской художественной выставке в одном из залов в узком простенке около двери висела картина. Рядом, на смежной стене, были большие яркие полотна, может быть, поэтому она не сразу обращала на себя внимание. Это картина небольшого формата. Какая-то светлая и грустная одновременно. А светлая, и не грустная, просто очень лирическая, тихая, созерцательная. Она вся соткана из мазочков, а если отойти на расстояние, то возникают очертания города, дома, крыши, тающие в дымке. Это Вильнюс, увиденный с вершины горы. Это тихий и светлый ирисота. Мы порой говорим о камерности того или иного художника в отрицательном плане. Но тем не менее нам не приходит в голову критиковать за подобие камерный оркестр и ставить ему в пример симфонический.

Художник Алоизас Стасюлявичюс любит писать Вильнюс, любит смотреть на него утром и вечером, бродить по его старым улицам, когда все

Р. ГИБАВИЧЮС, Литовка.

А. СТАСЮЛЯВИЧЮС. Вильнюс.

Л. СУРГАЙЛИС. Пейзаж.

А. АМБРАЗЮНАС. Хлеб.

кругом засыпает. Алоизас — философ и мечтатель. Не в его характере писать большие полотна во всю стену. Его стихия — камерность. У Стасюлявичюса много пейзажей, натюрмортов. Он любит живопись, сам ее заглаживает. Там нет ровной закрашенной холста. У них сложная, насыщенная живописная ткань, сотканная из мазки мазочков. И до чего же обидно, когда искренне считаешь, что фантормаз живопись — магия и художники теперь просто не умеют работать. Впрочем, при этом забывают, что и в холстах классицизма, у Рембрандта и Тициана, например, мазок порой был толще пальца. А у иных мастеров их замаскированная живопись не выдает ничего, кроме того, что они отлично освоили технику лессировки (многочисленные тонкими, прозрачными мазками), которой пользовались с незапамятных времен.

Картины Стасюлявичюса со сложной, богатой фактурой. Как из содружества слов, так из содружества мазков рождается поэтический образ. Леопольдас Сургайлис и Алоизас Стасюлявичюс — друзья и соседи. Их мастерские рядом, в одном доме. Но более ярко выраженные противоположности трудно найти: созерцательный и задумчивый Стасюлявичюс и активный, податливый Сургайлис —

этатный здоровенный человечество с природой и зычным голосом. Пейзаж Стасюлявичюса очень изысканный, а пейзаж Сургайлиса написан как будто не кистью, а веником. Кажется, берет здоровенный парень эту самую метлу, макает и лупит во все стороны и не думает о том, чтобы мазка получалась. И река у него уж такая синяя, и лесок у него уж такой желтый, и человек за всем этим, сразу чувствуется, — козлик. Хотя его и нет на картине, но это он поставил столбы и натянул провода и это для него и река такая синяя и лесок такой желтый. И натюрморты любит Сургайлис писать такие, чтоб там человек был. Он любит писать предметы самые простые, без которых ну никак не обойтись его человеку — рыбачку или крестьянину. Крашка хлеба, кот, стул, стол, лапа. И все это крепкое и монументальное и рисно написано. Сургайлис — гуманист. Он очень любит и понимает людей и потому в портретах никогда не ставит их на натуре, не вносит ни грамма дойной патетики. У него есть ценнейшее и редчайшее для портретиста качество — юмор.

Все время, что мы разговаривали в мастерской, перед нами стоял портрет

(Окончание на 4-й стр. обложки)

Сверхзвезды

Ирина РАДУНСКАЯ

Слышали ли вы о теории относительности Эйнштейна? Впрочем, такой вопрос сегодня может показаться нетактичным: кто же в наши дни не интересуется теорией относительности, без которой невозможны изумительные достижения современной физики? Сегодня учя теории уже не есть достояние нескольких избранных умов, она вошла в школьные учебники и стала основой многих инженерных проектов.

И все-таки до сих пор созидаются высокие ученые собрания, чтобы рассмотреть какие-то ее положения, думать особенно сложные ее эффекты. Вы не встретите буквально двух профессоров, которые, заговорив о теории относительности, не разошлись бы во мнениях, не заспорили друг с другом. Нет аспиранта-физика, который не хотел бы темой своей диссертации выбрать какие-то положения теории относительности.

И все-таки она не всесила. И возможности этой великолюбой теории ограничены. С большой очевидностью это доказали сверхзвезды. В декабре 1963 года в Америке, в Далласе, собрался четырехта ученых, чтобы обсудить чрезвычайное открытие: на огромных расстояниях от Земли астрономы обнаружили странное, необычные звезды. Это не отдельные звезды, а целые галактики. Но странная удаленность с трудом позволила увидеть их даже в самые большие телескопы. Конечно, на таких расстояниях огромная система звезд, составляющих галактику, вполне может выглядеть, как одна звезда. Но это сильные периодичности менло свой блеск через определенный, причем весьма короткий, промежуток времени. Примерно через год свет ее становился ярче, то слабее. Но не могут же одно временно, в такт, мерцать биллионы звезд, все «звездное население» галактики! Это было загадкой.

Так что же это за объекты? Что таит в себе ослепительный свет и педрое радиозлучение, исходящее от удивительных звезд?

Это явление так озадачивало ученых, что в отечественной конференции появились слова о том, что присутствующие на конференции являются свидетелями рождения новой астрофизики.

Конечно, это — превращение зловонных астрономов. Астрофизика — уже довольно выдохшая дисциплина, и сверхзвезды (как назвали ученые эти любящие космические объекты) в лучшем случае одна из его башен. Но башен, несомненно, таинственных. И не один ученый смотрит на нее с недоумением, как подглядывает турист на анимацию наклонную башино в итальянском городе Пизе, гадая о секрете этой уникума, удивляясь, как ухитрилась башина сохранить равновесие. Но любопытному туристу эту загадку объяснит так, а гда, знающего сверхзвезды, пока не существует. Как им подступаются ученые к непонятным объектам с привычными мерками, как им пытаются объяснить их поведение известными нормами по-

ведения космических тел, — попытки их без-
смысленны.

Вот отчет об объединенной сессии двух отделений Академии наук СССР, посвященной современным проблемам астрофизики, отчет, составленный по беглым заметкам автора.

Совещаются ученые с мировыми именами: академики В. А. Амбарцумян и Я. В. Зельдович, член-корреспондент АН СССР В. Л. Гинзбург, профессор И. С. Шкловский, А. И. Лебединский, С. Б. Пикелыер и другие.

Первым выступает Амбарцумян. Подступая к важной проблеме, ученые обычно начинают издалека. Виктор Амазаспович подробно рассказывает о развитии внегалактичного астрономии после 20-х годов, когда выяснилось, что далекие космические объекты являются галактиками, подобными нашей. В дошедшем периоде он отмечает два крупных события: открытие различных типов галактик (круглых, эллиптических и т. д.) и обнаружение красного смещения (рабегания галактик). Открытие сверхновых звезд, радиогалактик явилось событием последних лет. И вот, подступает Амбарцумян к главному, сенсационному 1963 году. Открыл целый ряд комплектов радиогалактик (названные сверхзвезды он считает неудачным). Да, говорит он, они похожи на звезды. Но размеры их близки к размерам ядер обычных галактик. А светимость, если придерживаться принятой классификации, среди светимости самых компактных галактик, таких, в которых свет ядра составляет больше чем половину света всей галактики в целом.

Возникает целый ряд теоретических проблем. И целый ряд догадок, гипотез, теорий. Мнение Амбарцумяна: сверхзвезды — это не звезды. Это результат взрыва какого-то неизвестного нам тела, существовавшего прежде в ядре галактики.

Амбарцумян читает, что ее свойства и все особенности галактик определяются ходом процессов, протекающих в их ядрах. До сих пор нам были известны несколько типов галактик, о которых было сказано выше. Теперь открыт новый тип. Он характеризуется необычайно мощным взрывом в области ядра галактики. Пока неизвестно, возникает ли такие взрывы в какой-то момент эволюции определенного типа галактик или это редчайшие исключения из общ. закономерностей.

Надо больше наблюдать, говорит он, строить мощные оптические и радиотелескопы, выводить их за пределы земной атмосферы. Может быть, только тогда нам удастся уточнить наши теории или заменить их новыми.

Вторым выступает Зельдович. Он напоминает о замечательном явлении гравитационного коллапса — заключительной стадии эволюции звезд, если масса их превышает более чем в 1,5 раза массу Солнца. Это — удивительное состояние уже

погасшей звезды. Под действием сил тяготения вещество этих звезд сжимается до чрезвычайной плотности, а радиус звезды становится очень малым. Поле тяготения на поверхности коллапсирующей звезды в какой-то момент становится столь большим, что никакая частица, ни даже кванты света не способны преодолеть этой поля и покинуть звезду. Звезда «исчезает». Она, конечно, не перестает существовать, в ней продолжают бешеные сложные процессы, но никакие сигналы не могут вырваться на непроходимой гравитационной ловушке. Все это выдумка фантаста, а следствия точных расчетов на основе теории относительности.

Зельдович говорит, что сверхзвезда как раз и может быть звездой чрезвычайно большой массы в процессе гравитационного коллапса. Но тогда спрашивается: откуда столь ослепительная яркость, если звезда «исчезла»? Все дело в процессах вокруг этой коллапсирующей звезды. Внутренние части ее уже могут скрыться в гравитационной ловушке, а вне ее огромные массы, например, свет атмосферы, устремляясь со скоростями, близкими к скорости света, к границам гравитационной ловушки, должны выделить огромные количества энергии. Это и свет и другие виды излучения.

Это вполне достаточно для объяснения всех загадок сверхзвезд. Однако строгая теория гравитационного явления еще не создана.

А затем Шкловский покрывает доску крупными формул и демонстрирует оценки массы, энергии и других характеристик сверхзвезд. Он добавляет, что источники мощного излучения, названные сверхзвездами, могут не быть ни звездами, ни галактиками. Это могут быть очень сконцентрированные сгустки межгалактического вещества.

В заключение он говорит, что все сделанные им оценки и высказывания не могут считаться достоверными, так как они основаны на совершенно недостаточных наблюдательных данных. Основная задача ближайших лет — получение более полных и точных физических характеристик сверхзвезд.

Мастых ученых смеяют два совсем молодых кандидата физико-математических наук: Н. С. Кардашев, ученик Шкловского, и И. Д. Новиков, сотрудник Зельдовича.

Кардашев занимает вопрос о том, какой процесс в сверхзвезде может породить энергию, большую той, что выделяется в термодермических реакциях. И он пробует исходить из гипотезы Гинзбурга, что «виноником» мощного излучения звезды может быть ее магнитное поле, которое при ее вращении нарастает и усиливается. Когда Кардашев провел расчет, оказалось, что его результаты хорошо сочетаются с той силой излучения звезды, которую наблюдают в действительности. Это говорит в пользу гипотезы. Но все явление до конца не объясняет.

Сильное впечатление на присутствующих произвело выступление Новикова. Он начал с того, что напомнил, как 10 миллиардов лет назад первородное вещество, находившееся в состоянии огромной плотности, начало расширяться. Это —

Академик В. А. АМБАРЦУМЯН:
Внутри галактик существует
сверхмассивное тело,
взрыву которого,
возможно, обязано
само образование галактики.
Сейчас мы наблюдаем
это грандиозное
явление.

вещество всей метagalaktiki, которую мы видим. Представим себе, говорит он, что не все вещество начало расширяться одновременно. Отдельные сгустки, будущие ядра галактик, могли задержаться в своем развитии. Это допустимо, не правда ли? И вот задержавшееся вещество, тоже начавшее через некоторое время расширяться, вступает во взаимодействие с окружающей средой, и возникают бурные процессы, которые мы теперь и наблюдаем. Если расширение предшествовало период сжатия, то и в этом случае все можно объяснить. В сжимающемся мире одна часть вещества сжалась быстрее, чем другая, и это вполне можно привести к наблюдаемым нами очагам мощного излучения. Эта гипотеза полностью находится в рамках теории относительности, подчеркивает Новиков. Разрыв во времени между наблюдением и свершением тоже объясним. Можно выбрать такую систему отсчета времени, в которой эти два одновременных события являются одновременными.

Надо сказать, что этот пункт особенно выделялся во время последовавшей затем дискуссии. Впрочем, весь тон дискуссии на подобных академических сессиях, посвященных острым злободневным проблемам, обычно резко отличается от тона докладов. Стороннему наблюдателю повачаду кажется, что ничего, собственно, не происходит, идет очередная, немного вялая конференция. Выступления академичеки, аргументированны. Каждый не спеша излагает свою точку зрения. Слушатели спокойны, терпеливы.

Вступила последний докладчик, и ситуация резко меняется. Ученые тянут ружья, как прикладные ученые. Получивший слово хватает мел и торопливо, забыв о регламенте, излагает свою мысль. Тут уж не до чина. Аспирант не согласен с академиком. Студент просят запутавшийся вопрос, профессор кричит с места: непонятно!

Дискуссия о сверхзвездах очень напоминала звезду в состоянии дискуссионного коллапса.

Гинзбург. Несомненно, сверхзвезды — это неизвестное нам явление. Это перенос проблемы за пределы нам понятного. Мы пытаемся объяснить это в рамках теории относительности, а они тесны. По-моему, дело в чем-то принципиально новом. Здесь мало объяснить детали механизма, здесь явно проявляются неизвестные еще нам законы природы. Конечно, гипотезы, о которых здесь рассказывалось, интересны, но, встретившись с таким явлением, как сверхзвезда, мы, возможно, столкнемся с неизвестным состоянием вещества. Космос — это та область, где мы можем столкнуться с совершенно неизвестными законами природы. Будьте бдительны! Осторож! Ярко нравится аудитории, она встречает это одобрительным смехом.

Зельдович. Мы не будем пренебрегать деталями механизма, но и с удовольствием примем новую теорию, если таковая все объяснит.

Лебидевич. По-моему, столкновение двух звезд может быть вполне подходящим процессом для объяснения яркости, подобной яркости сверхзвезд. Две звезды вполне могут столкнуться со крайней мерой раз в год, и в случае перехода всей энергии в излучение может возникнуть то колоссальное излучение, которое мы наблюдаем.

Новиков. Когда мы говорим о сверхзвездах, мы имеем в виду их колоссальную массу, равную чуть ли не 100 миллионам солнечных масс. И строим все расчеты, опираясь на эту массу. Но кто поручится, что масса именно такова и наши расчеты правильны? Это, по-моему, слабое место в наших рассуждениях. Кроме того, гипотеза Новикова меня смущает тем, что не объясняет изменение яркости сверхзвезд.

Амбарцумян. Мне кажется очень важным то, что сказал Гинзбург. Действительно, все ли возможности мы используем для объяснения явления? Возможно, что и не все, но из всех известных сейчас источников энергии для «питания» сверхзвезд может хватить только гравитационной энергии. Остальные источники, в том

числе и ядерная энергия, недостаточны. А в рамках гравитационных процессов есть лишь две возможности — коллапс или антиколлапс, сжатие или расширение. Итак, коллапс или антиколлапс? Сжатие или расширение? Я высказываю мысль о расширении ядра галактики, об его взрыве. Насколько это подтверждается наблюдениями? Во всяком случае, они не разрешают дискуссию. Ведь наблюдения тоже в какой-то степени направлены, подготовлены тем, что мы от них ожидаем.

Пилковский. Идея Новикова очень изящна и привлекательна. Но я с ней не согласен. Вот вопрос: можно ли дать такую систему отсчета времени, в которой наши сегодняшние будни будут одновременными с началом мира?

Новиков. Может ли сегодняшнее время совпадать с гипотетическим взрывом первоматери? Это хочет знать Пилковский? Да, можно написать такую систему отсчета времени.

Пилковский. Я этого не понимаю.

Новиков. Но это тем не менее возможно в рамках теории относительности. Я имею в виду, что можно выбрать такую систему отсчета времени, в которой то вещество, из которого произошли мы и наша аудитория, и вещество, задержавшееся, с нашей точки зрения, в своем развитии, расширяется в одно и то же время.

Зельдович. Гинзбург ставит вопрос об отходе от теории относительности, от современной физики. Я не согласен. Теория относительности — это обобщенная система, совершенная, красивая. А если о красоте говорят физики, он имеет к тому основания. В теории относительности все гармонично. Работа Новикова хороша тем, что она выдержана в рамках теории. Я бы не отвергал. Конечно, Вселенная в целом расширяется. Но было ли это один раз или больше? Конечно, это расширение идет из облака первородной материи, но откуда появилось это исходное вещество? Масса вопросов без ответов. Проблема сверхзвезд перестает в большую космологическую проблему.

...Как ни обескураживает некоторых ученых такая ситуация, но теория относительности пока не в состоянии распутать клубок сомнений, решить вопрос о сверхзвездах. Может быть, такое положение вещей временное и не сегодня-завтра теория выдвинет ученых, подскажет верное решение. А, может быть, настал момент новых фундаментальных открытий, новых великих «безумств». Будьте бдительны! Может быть, приближается день, когда теория относительности, мощная в сфере своего применения, будет дополнена вновь открытыми законами природы.

Это не значит, что теория относительности будет заменена какой-то иной системой знаний. Так же, как классическая физика не была отменена с появлением теории относительности и квантовой теории, а их создание лишь расширило границы познания, так и будущие теории, не отменяя теорию относительности и квантовой механики в границах их применимости, еще шире раздвинут возможности науки.

ЗА
СОЛИДАРНОСТЬ,
МИР
И
ДРУЖБУ

СЕРДЦЕ РЕВОЛЮЦИИ

ДЕНЬ В ХАРТУМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

К. ВИШНЕВЕЦКИЙ

Фото автора

У доски объявлений. Ее называют «ГОЛОС СТУДЕНТОВ».

Сердце революции — так называют сейчас в Судане Хартумский университет. Когда-то это был английский колледж, где готовились послушные «колонизальной администрации кадры, где молодых суданцев учили «любить» метрополию. Вокруг университета располагались казармы английских войск. Так, на всякий случай...

Но не помогли ни опытные «делатели умов», ни солдаты в зеленых беретках: в стенах колледжа, а затем университета зрела революционная мысль, ковались совсем не те кадры, о которых мечтали в Лондоне. После получения независимости в 1956 году бывшие казармы превратились в университетское общежитие, но студенты в годы правления военной хунты генерала Аббуда практически находились, как они сами говорят, на казарменном положении. Была запрещена деятельность Союза студентов, урезаны права учащихся, Аббуда провозгласил себя полководцем-ректором. В последние времена он вообще подумывал о закрытии университета.

И вот наступило 21 октября 1964 года. Суданцы считают этот день

началом эсевой Октябрьской революции. Отныне 21 октября Судан будет отмечать как свой великий праздник День революции. Это день победы народа над тиранией, над военной диктатурой, целиком зависшей от империалистического Запада.

События, сделавшие 21 октября Днем революции, начались во дворе общежития Хартумского университета. Вот почему в один из первых же дней моего пребывания в Хартуме я отправился в университет.

С группой студентов, членов Совета, мы стоим на большом пустыре, окруженном зданиями общежития. Жаркий полдень. Двор, видимо, преднамеренно, еще хранит суровые воспоминания: камни, обломки кирпичей, палки валяются повсюду.

— Здесь 21 октября мы собрались на митинг. Около тысячи студентов внимательно слушали оратора. Вдруг вон в том проходе появились полицейские, — рассказывает студент четвертого курса юридического факультета Мохаммед Али Какум, — офицер прокричал в рупор приказ разойтись. Мы не ответили. Тогда офицер снова повторил приказание, сопроводив его угрозой применить силу. Председатель нашего Совета обратился к нам с вопросом: «Выполним приказ полиции или останемся на местах? Голосуем!» Все как один молча подняли руки: оставались. Митинг продолжался. Тогда прозвучала короткая команда, и в толпу студентов полетели гранаты со слезоточивым газом. В это время подошла новая группа студентов — они опоздали на митинг. У них оказались в руках палки и камни. Воодушевленные, мы бросились на полицейских. Завязалась рукопашная схватка. Снеды текли у нас из глаз, газ выжмал бровь и ушище. Полицейские начали отступать, но в это время прибыло еще несколько грузовиков с полицейскими. Раздались выстрелы... Мохаммед повернулся к углу одно-

этажного дома, бывшему бараку, и указав пальцем на ступени:

— Здесь упал Ахмед Кураш.

Мы замолчали.

Ахмед Кураш! Это имя знают теперь все в Хартуме. Его похороны вышли в демонстрацию, демонстрация — в революцию. Его именем назвали сейчас один из районов Омдурмана улица в Северном Хартуме, одно из зданий университетского объединения. Портреты этого двадцатипятилетнего студента первого курса расклеены по всей стране...

Мы поднимаемся по ступеням, на которых был убит Ахмед, заворачиваем за угол. Длинный ряд дверей в маленькие комнаты. Мохаммед открывает первую.

— Видите на полу пятно? Как ни отмывали, оно осталось. Это кровь наших раненых товарищей. Сюда мы принесли тех, кого успели укрыть, перевязывали их... Теперь Совет постановил считать эту комнату «почетной». Здесь будут жить лучшие, самые активные студенты.

— Вы часто говорите о Совете. Расскажите, пожалуйста, подробнее, как он создан, как работает, каковы его функции, — попросил я.

— Мы это как раз и собираемся сделать, — улыбнулся Мохаммед. — Нас ждут мои товарищи — члены исполкома Совета.

Узнав продолговатая комната лектора эконоимического факультета Абу Бакра. Сидим четвером. Один из трех — уже знакомый мне Мохаммед Али. Второй — Хашим Элиней, латиноамериканский юрист, исполняющий обязанности президента Совета студентов (весь старый состав Совета студентов был арестован, и ребята

только что вышли на свободу).

Студент факультета искусств Хаммеданиль Ахмед — третий член Совета.

Они рассказывают:

— Союз студентов был создан еще в сороковых годах. Он всегда был и остается политической организацией, всегда находился в оппозиции к колониальной системе и прежнему правительству.

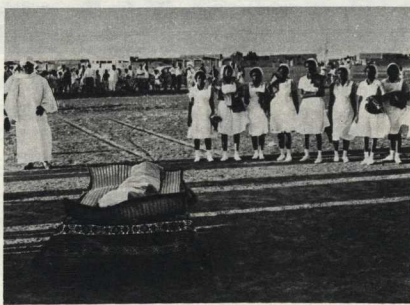
Союз занимается вопросами внутренней жизни университета, академическими вопросами, нуждами студентов в учебе и жизни. Но главное — политическая борьба. Высший орган власти — Генеральная ассамблея — собирается не реже раза в год. В ее работе принимают участие все студенты. Там избирается Совет, который, в свою очередь, избирает исполком. Любопытен состав нынешнего исполкома Совета: из сорока членов — десять коммунистов и более половины поддерживающих их. Союз студентов Хартумского университета входит в Международный Союз студентов. Его делегаты участвовали в работе Форума солидарности в Москве.

— Мы хотим еще больше знать о Советском Союзе, о жизни его народа, студентов. Почему бы вам не прислать нам кинофильмы о Московском университете? — говорит Элиней.

— Работам надо идти на лекции. Прошавшие. У выхода из университета стоит большой щит, на нем какие-то лозунги, объявления. Толпа студентов одобрительно гудит, читая одно из объявлений.

— Что это? — спрашивает преподавателя Абу Бакра.

Абу Бакар читается, объясняет: — Это заявление группы студен-

Последние проводы. Он умер от ран, полученных во время разгрома студенческого митинга 21 октября 1964 года.

тов, членов организации «Фронт арабских студентов» и партии «Исламское движение». Они требуют создания Общесуданского Союза студентов, поддерживают правительство и его комитеты по чистке государственного аппарата и армии от коррумпированных чиновников и старых офицеров — прислужников старого аппарата.

Мы выходим на набережную, одно из красивейших мест Хартума. Голу-

бой Нил течет могуче, нетерпеливо, точно стремится быстрее встретиться со своим братом Белым Нилом. Отсюда видно место их слияния. Птицы кружат над широким простором рождающегося Нила — великой африканской реки, «Реки революции», как назвала ее хартумская газета «Мейдан» — первая легальная газета Коммунистической партии Судана.

Хартум — Каир, январь 1965 года.

Перекрестки.

Украденная слава

Недавно я прочитал о русском адмирале Г. А. Спиридове, который выиграл битву при Чесме. Однако еще по школе я помню, что знаменитым сражением был присвоен статус «то же все-таки командовал русским флотом при Чесме?»

М. ДОРОШЕНКО,
с. Ср. Егорыки, Ростовской обл.

ВУЗОВСКИЙ «ПРОЕКТОР» МНОГОЕ ВИДИТ...

«Какими делами должен заниматься «Комсомольский проектор» в институте: бороться с «хлестовщиной» и все?» — спрашивает «Сквер» В. Малахов из Уфы.

Адмирал Григорий Андреевич Спиридов был первым из выдающихся флотоводцев, прославившихся во времена Спиридова десятилетним калачинско-волжским приключением на флот, которому отдал много лет своей жизни.

Служба Спиридова была нелегкой. После смерти Петра I флот пришел в упадок. Лишь огромным усилием морских-патриотов, таких, как Спиридов, удалось вернуть российскому флоту утраченный величие. За эти годы Спиридов прошел все ступени морской службы и стал контр-адмиралом — флагманом Кронштадтской и Ревельской эскадры.

Талант адмирала Спиридова как флотоводца ярко проявился в русско-турецкой войне. В июле 1769 года русская эскадра под его командованием совершила дерзкий по замыслу и неожиданный для всего мира поход из Кронштадта в Средиземное море, в Тунис и Турцию.

После семи месяцев пути, потеряв около двухсот человек от боевой опасности и измучившись огромными лишениями и пригласив на помощь, эскадра прибыла на Средиземноморский театр, где овладела Мизитрой, Ариандею, крепостью Наварин и высадилась в Бейрут.

Затем по предложению Спиридова в Бейрут прибыла турецкая эскадра в море. 23 июня 1770 года турецкий флот в составе 16 кораблей, 24 канонерок, 3 бригадин и около 60 мелких судов был обнаружен у мыса Хисос. Спиридов стоял на первом ряду параллельных линий. У русских было всего 4 линейных корабля, 3 бригады, 1 бомбардирский корабль и 4 небольших шлюпа, то есть в три раза меньше, чем у турок.

Спиридов решил применить новый тактический прием: атаковать колоннами кораблей, перпендикулярными фронту судов противника, а не параллельными, как требовала линейная тактика. Сам он пошел в авангарде, взяв на себя первый удар по

неприятлю. Чего могло в те годы стоить это новаторство, говорит пример английского адмирала Бингем. В 1757 году по приговору Британского военно-морского суда он за нарушение линейной тактики был казнен, хотя и победил в боях.

24 июня турецкий флот, имеящий 15 тысяч человек и 1 430 орудий против шести с половиной тысяч мейвов и 608 орудий русских, потерпел поражение. Оправдался расчет Спиридова, знавшего слабые стороны противника и умело использовавшего инициативу и отставку русских моряков.

Турки укрывались в бухте Чесме. Русские корабли блокировали бухту. Зная превосходство противника, Спиридов решил не дать ему возможности опомниться и предложил военному совету эскадры разработать конкретные и в большой бухте флот, используя брандеры (небольшие деревянные суда, снаряженные огнемеханикой с порохом, смолью, серой и пропитанные смолками). Вошедшая в историю Чесменская бухта, в которой противник потерял около 10 тысяч человек, а русские — всего 11 человек, помогла России закрепиться за Чесменом море. В память ее в Чарском Селе (ныне г. Пушкин) была воздвигнута колонна, но гримозная колонна Чесменская — по имени Спиридова, а Орлов — фаворит Екатерины II, командовавший флотом. Вспомогательными на Средиземноморье. Почти девять лет слава победителя при Чесме и Орлове стояла на плечах адмирала замалчивались. Вот почему и до сих пор много хвалит адмирал Спиридов.

Тем, кто хочет более подробно познать историю жизни и делах замечательного русского флотоводца, рекомендую изданную в 1987 году Воениздатом книгу писателя Евгения Юнга «Адмирал Спиридов».

В. МИЛАНОВ,

инженер-капитан 2-го ранга

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «СМЕНЫ»

Фоторепортаж «великолепные метры» Э. Черепановой и В. Мишина («Смена» № 22 за 1964 год) рассказывал о строительстве большого моста через Северную Двину.

В конце репортажа автор высказывает такое замечание: «Хотелось бы верить, что найдется на протяжении этих великолепных восьмист метров, собранных по элементам, хотя бы одно местечко, чтобы написать имени строителя. Не для славы — просто так, для доброй памяти».

Это верно: не должно быть безликих, безымянных вещей, пусть всегда люди вспоминают тех, кто построил отличной мост, красивый дом, последнюю сорочковую баржу заводской комсомольской ударной бригады.

Когда я работал секретарем комитета на Томском судостроительном заводе, нашему предприятию было поручено в сжатые сроки построить и сдать речничкам сорок нетренированных барж вместимостью по 2,5 тысячи тонн каждая. Задание было выполнено, причем строительство по последней, сорочковой барже заводская комсомольская ударная бригада. Четырнадцать комсомольцев-электросварщиков во главе с секретарем комсомольской организации цеха Тимофеем Никуровым работали по-ударному и задание выполнили досрочно. Это была настоящая, мужская работа. Теперь на рубке этой сорочковой баржи плавают имена Тимофеев Никурова, Ивана Азбасова, Владимира Шадркина, Ивана Шлюмова, Михайло Сивака, Александра Белокурова, Анатолия Семёнова, Виктора Темченко, Валерия Зуберова, Владимира Кошелева, Виктора Глазунова, Анатолия Шарафутдинова, Александра Рыбкова и Анатолия Кошелева.

Сорочка вышла в рейс. Проходят годы, и люди будут знать об этих ларчике, участника ударного строительства.

Труд — поэзия. Пусть же люди знают своих поэтов!

С. ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ,

секретарь Томского горкома ВЛКСМ

Конечно, главная задача вузовских проектировщиков — борьба за прочные знания студентов. Так, в Бийском районе, в горном институте, «проекторы» контролируют посещения семинаров, на факультетах созданы группы научной информации, которые регулярно сообщают студентам о новинках технической и научной литературы; проектировщики помогают пополнить библиотеку новыми книгами, стали следить за подготовкой студентов и лаборантов и практическим занятиям. Другие внутривузовские вопросы тоже требуют внимания проектировщиков: работа студентов и библиотек, жизнь студентов в общежитиях, занятия спортом.

Есть еще одно направление в работе вузовского «проектировщика» — участие студентов в работе проектировщиков предприятий, строений, объектов. В том же Днепропетровском, например, студенты инженерно-строительного института взяли под свою контроль организацию работы в строительных управлениях. Рейды студентов показали, что эти управления плохо беспокоятся об экономя строительных материалов, неправильно используют механизмы и оборудование, а качество строительства снижается. На комсомольских собраниях строителей студенты подвергли резкой критике и добились предоставления помощи.

Днепропетровские проектировщики и студенты-медики провели рейды на завод автотранспорта мелких деталей, на швейную фабрику «Роскошь». Выяснилось, что медики не заботятся о технологиях и предприятиях на этих

предприятиях.

САМОДЕЯТЕЛЬНОМУ ХУДОЖНИКУ

Военнослужащий Валерий Орлов увлекается рисованием и резьбой по дереву. Он спрашивает, какую литературу ему следует читать по этой проблеме и где можно приобрести ее. Редакция «Смены» и друзья начинающих и самодеятельных художников следующие книги по изобразительному искусству.

САМОДЕЯТЕЛЬНО НАЧИНАЮЩИЙ И САМОДЕЯТЕЛЬНОМУ ХУДОЖНИКУ. Брошюры по основным вопросам рисования и скульптуры. Издания 1961—1964 годов. Цена комплекта 2 руб. 50 коп.

РЕЗЬБА ПО ИСКУССТВУ И ХУДОЖНИКАМ. Комплект брошюр по истории резной скульптуры СССР. Издания 1961—1964 годов. Цена комплекта 6 руб.

РИСУНОК И ЖИВОПИСЬ. Руководство для самодеятельных художников по рисунку и живописи. Издательство «Искусство», 1963 г. Цена 4 руб. 36 коп.

РИСУНОК И ЖИВОПИСЬ В СРЕДНЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ШКОЛЕ. Издательство Академии художеств СССР, 1963 г. Цена 1 руб. 90 коп.

М. ФЕДОРОВ. РИСУНОК И ПЕРСПЕКТИВА. Издательство «Искусство», 1962 г. Цена 80 коп.

РИСУНОК. Пособие для обучающихся в художественно-промышленных учебных заведениях СССР. Издательство «Легкая индустрия», 1964 г. Цена 1 руб. 90 коп.

ИОНУМУ ХУДОЖНИКУ. Книга для обучения по истории искусства. (Искусство Древнего мира и Средневековья. Искусство эпохи Возрождения. Зарождение искусства XX века.) Издательство Академии художеств СССР, 1963 г. Цена 3 руб. 50 коп.

ИОНУМУ ХУДОЖНИКУ. Практическое руководство по изобразительному искусству. (Рисунок и живопись. Скульптура.) В 2-х частях. Художественно-промышленная работа в школе. Издательство Академии художеств СССР, 1963 г. Цена 2 руб. 50 коп.

КНИЖИ ХУДОЖНИКУ. Практическое руководство по изобразительному искусству с элементами истории и теории. (Рисование и живопись. Изготовление игрушек.) Издательство «Художник РСФСР», 1964 г. Цена 2 руб. 50 коп.

Если вы не можете купить эти книги в местных книжных магазинах, обратитесь по адресу: Москва, Центр ул. Кировая, 6; Магазины Книжного фонда. Сметайте, эти книги можно получить эти книги по почте, названным платёжом.

В издательском магазине № 85 (г. Москва, А-130, ул. Космодемьянская, д. 3, Общественный свеклятник. Литература по резьбе: ИАН НАУЧИТЬСЯ РЕЗЬБЕ ПО ДЕРЕВУ, автор МИЛЮКОВ С. В. Цена 1 руб.

«ХОУДЕЯТЕЛЬНОЕ ВЫГИВАНИЕ», автор МУЖИХИНА Г. В. Цена 1 руб.

«РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ» (учебное пособие для учащихся художественно-промышленных училищ и художественно-профессиональных школ). Автор ЛЕВИН Л. Цена 60 коп.

Ничего было читать...

САТИРИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Рисунки К. БОРИСОВА

Тогда она говорит:
— Переод мной являлся ты, как мимолетное виденье.
Как гений чистой красоты...
Это вы имели в виду?
— Во-во! — говорю. — Это самое... — хотя ничего этого я в виду не имел. Пушкина я, конечно, знаю. Как не знать! В школе еще проходили. Да все позабыл. Давно было. Все не упоминаю!

Она говорит:
— Ах, бросьте, ничто вы этого в виду не имели!
— Я говорю:
— Почему не имел Имен! — И руку на сердце положила, чтобы она лучше поверила.

Она говорит:
— Да знаю я вас всех, всегда джентльмен...
— Ну, как хотите, — говорю, — только вы меня этими словами грубо обижаете! Встретить вот так человека... и вдруг слышите от этого человека подобные слова...
Она вдруг ни с тугой ни с сего говорит:
— Вот вы про Пушкина только что говорили, Лонгфелло вы тоже читали?

— Иого?
— Лонгфелло.
— Читал! — соврал я.
— «Гайавату» всю прочли?
— Всею.
— До иона?
— А что?
— И как вам?
— Хорошо.

Прочел бы эту «Гайавату», думаю, гораздо лучше бы себя чувствовал. Да только разумею, что тебе именно про этого Лонгфелло будет спрашивать? Хуже, чем на экзамене, «попробуй», получается. Там хоть программа есть. Дают тебе перед экзаменом программу, и учи себе все билеты...

Я все боялся, начнет она сейчас спрашивать, что я у этого Лонгфелло читал.

А она говорит:
— Охоту вы, конечно, читали...
— Нет, вы согласитесь...
— Она на это внимания не обратила, что я переспросил, или она не расслышала и говорит:
— Хороший был писатель, правда? — Это, этот писал! — говорю, — дичь и ночь...
— Это вы о Бальзаге, наверно, вот кто действительно...
— Вот именно! — говорю.
— Нет, вы согласитесь...
— Я согласен! — говорю. — Согласен! — и чего это она ко мне с этими писателями пристала, не понимаю. Про кино бы спросила. Про танцы. Про погуляе. Мало ли про что спросить можно!

А она говорит:
— Читали Солженицына?
— Читал, — говорю. И волнуясь. На слухных нервах держусь. Не дай бог, спростит, что он написал!

Она говорит:
— Лангстона Хьюза читали?
Тут я не выдержал. Мне позавалось, она подробно комет у меня про этого Хьюза спросить. Я весь съехался даке. И повысил голос:
— Сдаюсь вам, что я читал, а что не читал! Никого ваше-то дело! Что вы пристали!

Она замшталась вроде. Там мне позавалось. Она, может, тоже серьезное намерение имела. Видно все хорошо так было! Там все хорошо шло — и вот!.

Нет, она не упала. Она только перестала улыбаться и говорит:
— Я и как пристала!
— Да, вы! — говорю. — Пристали с этими писателями, как банный листик... не знаю что!.

— Ах вот как!
— Да, да! — говорю. — Да да, да! — Я вно себя был. Ногой толкнул. А так хорошо было! Так все шло...
Она повернулась и пошла от меня, ступа каблуками. Потом повернулась и закричала:

— Ничего вы не читали!
Это была правда. И я не очень обиделся. Но она еще раз повернулась и крикнула:

— Ду! Это было самое настоящее оскорбление. А ведь все хорошо было. Так все шло! И никакого черта она пристала ко мне с этими писателями! Никого ей дело до всего этого? Что она мне, учительница, что ли? Что ей до всего этого, не пойму. Сутся не в свое дело, а потом обижается. Повамы! Ну, не читал. И что? Нелзя за меня замук выходить, что ли, из-за этого? Чутье канкалтой Разборные слышном новости пошли, вот что я вам скажу... А по-частому: весте то, что бы воду мрты, лучше бы все-тани... сидеть с ней рядом да читать... читать...

Рисунки К. БОРИСОВА

начала все хорошо было. Она увидела, что я на нее смотрю, и говорит:
— Что это вы на меня все время смотрите?
— А что, смотреть нельзя? — говорю. И продолжало смотреть. Тем более, что мне давно меняться пора.

Можно, — говорю, — только вы так глупо раскрываете, как будто вы слепой.
— Кто, и слепой?
— Вы, конечно, а кто же!
И немного обиделся, но все равно смотреть продолжало. Тем более у меня намерения серьезнее.

Все хорошо было.
Вот когда я смотрю на вас, мне надоеет Пушкин именно о вас сочинил некоторые стихи...
— Да, вы ведь да не смейте!
— А какие стихи вы имевте в виду?
— Я и никак стихи в виду не имел. Я просто так сказал. Должен же я был ей что-то приятное сказать...
Она идет, что я ей отвечу, а я молчу.

К Р О С С В О Р Д

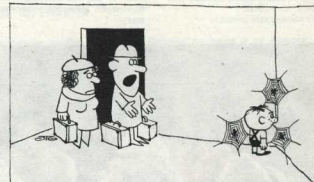
Составил С. КАРАХАНИН
г. Артин, Армянской ССР

- По горизонтали:
7. Сорт ильбион, выведенный И. В. Мичурными. 8. Оптический система из нескольких линз. 9. Геометрическая фигура 10. Представление, правдивое. 13. Математический знак. 14. Первая птица 16. Город в Индии. 17. Пушистый зверек. 18. Венгерский писатель-романист. 19. Лирика А. Н. Островского. 20. Советский физик-академик. 23. Расказ И. С. Тургенева. 25. Апер, сподвижник Ф. Е. Волкова по созданию первого русского театра. 26. Морская лодка. 28. Государство в Европе. 31. Ударная часть молота. 32. Старинный навацкий инструмент. 33. Русский композитор.
- По вертикали:
1. Югославский гротеск-стер. 2. Длинная возвышенность с пологими склонами. 3. Герой Отечественной войны. 4. Сигнальный духовой инструмент. 5. Народный протез-лече в Средней Азии. 6. Пауза. 7. Гематический снаряд. 11. Старинный французский танец. 12. Советский шахматист. 14. Спутник планеты Юпитер. 15. Город в Иркутской области. 21. Краски, разводимые водой. 22. Сказка из Салтыков-Щадрина. 24. Триб, растущий в хвойных лесах. 25. Гематический инструмент XIX века. 29. Кодекс В. Маяковского. 30. Кондитерское изделие. 31. Обтесанное бревно, балка.

2	У	21	А	22	А	23	А	24	А	25	А	26	А	27	А	28	А	29	А
С	А	В	С	К	А	В	В	Е	К	Т	К	В							
У	В	А	Т	Р	О	С	Н	О	З	Н									
Р	Ч	К	Р	Т	У														
М	Ц	И	К	У															
В	2	А	А	К	А	А	Р	О	З	А									
20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39
		А		С															
		И		К															
6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
		И		К															
31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

- По горизонтали:
5. Монроусов в Фрезе. 7. Юнион. 8. Обон. 12. Риад. 14. Агани. 15. Арамис. 17. Крапов. 18. Репеталов. 21. Фаралд. 22. «Кармон». 23. «Пирка». 25. Рама. 26. «Мат». 27. Клерк. 29. Глода. 31. Солнечник.
- По вертикали:
1. Амур. 2. Сказка. 3. Бесовия. 4. Тен. 6. Фирма. 8. Архар. 10. Барридади. 11. Хачатурян. 13. Абдонент. 16. Сфера. 17. Кюос. 19. Гамак. 20. Прима. 23. Пароль. 24. Аргунь. 28. Лес. 30. Дека.

— Ты что, забыл его простить, когда мы уезжали?
Рисунок О. ТЕСЛЕРА

ВНИМАНИЮ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Подписка на журнал «Смена» принимается общестественными распространителями печати по месту работы, отделами и агентствами «Союзпечати», а также отделениями связи с любого месяца без ограничения.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «СМЕНА»

ЛЕД И ТАНЕЦ

ФОТО М. МУРАЗОВА

Улицы Киева пестрели афишками. Афиши были весьма необычные: они звали молодежь в балет. Не в качестве зрителей — на роли артистов.

Их было очень много — четыре тысячи абитуриентов. Они хотели посвятить себя искусству танца на льду. И почти никто из них никогда не стоял на фигурных коньках. Впрочем, это меньше всего гутало В. Вронского — создателя и руководителя украинского балета на льду. Куда больше он интересовался природной границей будущих артистов.

Десять человек входили в зал и выплывали самые что

«Украинский гопак».

ни на есть примитивные упражнения. Из десяти отбирали одного. А потом одного из каждой четверки.

Так появлялся труппа. Надо было постигать и музыку, и танец, и актерское мастерство. Надо было учиться кататься на коньках. И не как-нибудь, а как положено астеру-профессионалу.

За год они сделали почти невозможное — создали спектакль. Больше того, создали театр со своим «я».

Украинский балет заметно отягчается от других балетных трупп на льду. Помните известные на весь мир австрийский «Айс-ревю» и американский «Хольмдей он айс». Добрый ковбой из американского спектакля

«Кубинский танец» исполняют солисты балета Г. Катковская и В. Беллицкий.

отягчается от доброго австрийского кока разве что костюмом.

В спектаклях украинского балета на льду всегда есть сюжет с острым развитием и яркой кульминацией. В нем действуют герои с реальными очертаниями и резко

индивидуальными характеристиками. В этом и заключено творческое, самобытное «я» театра.

Он выступал уже в ряде городов страны. Зимой приезжал в Москву. А летом... Летом киевляне придут на его новый спектакль.

Первая страница обложки: «На пиньферме» — хореографическая сценка из спектакля Украинского балета на льду.

Фото М. МУРАЗОВА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва А-15, Буважский проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок — Д 3-30-87; отделе литературы и искусства — Д 1-32-84; отделе очерка и публицистики — Д 3-31-03; международной жизни — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-30-97; прием — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-69; информации — Д 3-31-69; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Савошкин.

Редколлегия: К. К. Андреев, Е. А. Долгановский, К. Н. Замощкин, Е. И. Иванов (заместитель главного редактора), Р. Ф. Казанова, Б. П. Краевский (ответственный секретарь), А. С. Кулинино, Е. И. Рабчиков, Г. В. Семелов, С. С. Смирнов, А. Б. Стунов.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова.

Технический редактор В. Ягодкина.

А 02249. Подписано и печатно 3/II 1965 г.
Тираж 900 000 экз. Изд. № 541.
Заказ № 303. Формат бумаги 70х108мм.
2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24

ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ УМСТВЕННОЙ ГИМНАСТИКИ

ЗАНЯТИЕ ШЕСТОЕ

РЕМОНТНАЯ БРИГАДА

Бригаде поручили отремонтировать три дома. В доме № 3 работы было не очень много. В доме № 7 ее оказалось меньше, чем в доме № 9, а в доме № 9 — вдвое больше, чем в доме № 5.

В понедельник первую половину дня бригада работала в доме № 5. Вторую половину дня ремонт в этом доме делала половина бригады и к концу дня закончил его, а остальные работали в доме № 7.

Во вторую первую половину дня в доме № 7 работала вся бригада, а после обеда — половина. К концу дня работа была закончена и здесь, а остальные в это время вели ремонт в доме № 9.

В среду услышали всей бригады ремонт этого дома был почти закончен. Осталось работы лишь дюйм на полдня.

Сколько человек было в бригаде?

В СТУДГОРОДКЕ

Студенты-мехики занимают дома №№ 1 и 2, а математики — дома №№ 3 и 4. В домах № 1 и № 3 живет одинаковое число студентов. В выходной день все учащийся студентов дома № 2 отправились на каток. Если бы на каток ушли

студенты не из второго, а из первого или третьего домов, то студентов одной специальности осталось бы дома в три раза больше, чем другой.

Сколько студентов-математиков живет в доме № 4?

БЫСТРЕЕ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ МАШИНЫ

Из плотной бумаги или картона нарежьте девять квадратных фишек. Одну сторону их заштрихуйте и нарисуйте на каждой «0». На другой стороне фишек напишите на одной 1, на другой — 2 и т. д. до 9. Фишки с цифрами 2, 4, 6, 8 тоже заштрихуйте.

В основе игры — сложение трехзначных чисел. Если нужен ноль, одну из фишек превращаем. Причем в каждом примере ноль можно использовать только раз.

Победит тот, кто быстрее дружит:

1) подберет три слагаемых так, чтобы сумма цифр по горизонтали и вертикали была во втором ряду в два раза, а в третьем в три раза больше, чем в первом; чтобы сумма цифр по горизонтали, вертикали и диагонали были равны; чтобы сумма цифр по горизонтали, вертикали и диагонали были кратны трем, четырем, пяти, шести;

2) составит три слагаемых так, чтобы, сложив их в уме, получить сумму, кратную 100; 3) подберет слагаемые так, чтобы сумма их была составлена из цифр, расположенных только на заштрихованных

фишках; только на белых; чтобы цифры одного слагаемого были только на заштрихованных, а другого — на белых фишках;

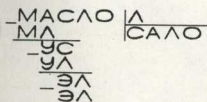
4) расположит слагаемые и их сумму таким образом, чтобы цвет всех девяти фишек строго чередовался, как цвет шахматной доски;

5) составит два слагаемых так, чтобы одно было в два раза больше другого и сумма их была бы также трехзначной;

6) составит два примера, в которых суммы слагаемых первого ряда были в два раза больше суммы слагаемых второго примера;

7) приведет десять примеров, в которых слагаемые и их суммы будут составлены (последовательно) в первом примере без участия нуля, во втором — без единиц, в третьем — без цифр 1 и 2 и т. д.; составит десять примеров так, чтобы суммы слагаемых были более девятию; составит пятнадцать примеров, в которых суммы слагаемых оканчивались бы нулем.

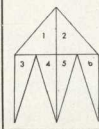
ГОЛОВОЛОМКА

Напишите числа скрыты за словами «масло» и «сало»!

ГУСЕНИЦА-ВЕРХОЛАЗ

Эта задача не требует арифметического решения. Пройдет чуть больше суток — и гусеница превратится в кокон.

ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

Разрезать фигуру двумя линиями на части и составить из них квадрат можно так:

РАЗБИТАЯ ВАЗА

В разбитой вазе было некоторое число цветов: пять осыпавшихся при падении лавы и четное количество роз, которые, поделив поровну, поставили в оставшиеся вазы. На основании известно, что в белой розе было в два раза больше, чем в красной, то есть в любом случае четное число, и что синяя ваза уцелела. Значит, ветром разбило красную вазу.

Обозначим буквы:

$$\begin{aligned} I &= x; \\ II &= y; \\ III &= z; \\ O &IV = u. \\ K &x - z = y + z \\ U &2(x + y) = 5z \\ C &x - 2(z + u) = 7 \\ T &x + u = 2y \\ M &x - y = 2z \\ S &2x + 2u = 5z \\ A &x - 2z - 2u = 7 \\ E &x + u = 2y \\ I &x = 17 = P \\ H &y = 9 = H \\ G &z = 1 = G \\ A &u = 1 = A \end{aligned}$$

Слова Анатолия ПОПЕРЕЧНОГО

Музыка Яна ФРЕНКЕЛЯ

Памяты

Михаила Светлова

Отремели походные трубы,
Отосла бвоюя гроза.
Только мне уибаются губы
И твои молодые глаза.
В тех глазах правда века сурова,
В тех глазах соевть века светла.
И романтика, вечно была,
Ты, романтика, вечно была.

Позови ты меня в ту дорогу,
Где на каждом шагу чудеса.
Я уйду, скрипну дверно негромко,
Под иррапелные всплески ветров.
Не душе моей — песня «Каховка»,
В рокзаке — старый томики стихов.

ПРИПЕВ.

И когда мне приходится круто,
Стынет кровь, подступают тоска,
Я повторю севрику самуркуту,
Эй, романтика, дай огоньки!
И грохочут в душе мои трубы,
Боевые звучат голоса.
И смеются бессмертные губы
И твои молодые глаза.

ПРИПЕВ:
Романтика,
Сколько славных дорог позади!
Ты — Сибирь моя,
Ты — Галактика,
По тревоге меня позови!

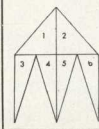
Распуская в любую погоду
Зоревые свои перуса.

ПРИПЕВ. (Повторит дважды.)

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 5

ГУСЕНИЦА-ВЕРХОЛАЗ

Эта задача не требует арифметического решения. Пройдет чуть больше суток — и гусеница превратится в кокон.

ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

Разрезать фигуру двумя линиями на части и составить из них квадрат можно так:

РАЗБИТАЯ ВАЗА

В разбитой вазе было некоторое число цветов: пять осыпавшихся при падении лавы и четное количество роз, которые, поделив поровну, поставили в оставшиеся вазы. На основании известно, что в белой розе было в два раза больше, чем в красной, то есть в любом случае четное число, и что синяя ваза уцелела. Значит, ветром разбило красную вазу.

Обозначим буквы:

$$\begin{aligned} I &= x; \\ II &= y; \\ III &= z; \\ O &IV = u. \\ K &x - z = y + z \\ U &2(x + y) = 5z \\ C &x - 2(z + u) = 7 \\ T &x + u = 2y \\ M &x - y = 2z \\ S &2x + 2u = 5z \\ A &x - 2z - 2u = 7 \\ E &x + u = 2y \\ I &x = 17 = P \\ H &y = 9 = H \\ G &z = 1 = G \\ A &u = 1 = A \end{aligned}$$

рет крестьянина из Жемайтии. И этот крестьянин все носился на нас из-под козырька своей кепки. Он только что начал работу, положил рядом вилы и ушел на сяменине. У него красное, обветренное лицо. Он здоровяк и крепкий, и он ох как себе на уме. Он очень скрытен, из него трудно что-нибудь выудить. Он очень бережлив и, может быть, даже скуп, но уж если и вам расположен, то отдаст последнюю рубашку. Он не бросает слов на ветер, этот крестьянин из литовской области Жемайтии, и может за себя постоять. Все это можно увидеть, а скорее почувствовать в портрете.

лоде графини, живописцем, скульптором, уме знаменом амброзионас, Жилите, Стасюлявичюс и их товарищи Антанавичюс, Вильдрюнас и другие — веселая и дружная компания в куртках и свитерах и совсем не лишена академической невозмутимости и солидности. Почти все они вместе учились в институте, теперь вместе учат детей. И учат с душой. Задание — нарисовать петуха. Преподаватели не требуют двенадцати одинаковых петухов, нарисованных с одинаковой иллюстрацией в учебнике зоологии. Им приносит двенадцать совершенно разных петухов. У одного маленькая-маленькая голова и большой-большой хвост, сильный намиллими цветами, он глухой и важный, модный и хвастливый. У другого злые глаза и острые-простые шпоры. Один нарисован черным карандашом, другой — одной красной краской, третий будет превращаться, как радуга.

Передо мной лежали двенадцать рисунков. За ними двенадцать разных характеров и дарований. Этих ребятши не «натаскивали», не заводили правилами, в них растли художники. Учили их думать, фантазировать, оформлять. Искусство не определяется степенью подражания при-

КАК РАСТЯТ ХУДОЖНИКОВ?

Слово «профессориум» звучит солидно. Так и представляешь себе стол, вокруг которого сидят обязательные сединами, умудренные опытом учение, может быть, даже с особым черным шапочкам. Даже не сразу решишься открыть дверь с этой табличкой. Но профессора Литовской государственной школы искусств — мо-

роде. Художник создает другую природу, в его работах ценно, насколько он выразил свое отношение к миру. Когда французского художника Ренуара упредали в том, что нарисованная им женщина не похожа на настоящую, он отвечал: настоящих живых женщин пусть делает мой кот. А Гете нарисован мопс, он все равно не был мопс настоящего. Ребята рисуют очень старательно. Они в школе не потому, что их мамы и мамы решили сделать их знаменитыми. Преподаватели ездят летом по деревням, смотрят, знакомятся, выбирают наиболее способных. Там дети оказываются в Государственной школе искусств.

Когда возвращаешься из школы искусства в центр города, еще раз убеждаешься, что «энспланса» молодых есть повсюду. Они очень активный, энергичный и смелый народ. Они ухаживают росписями и рельефами по улице вверх и вонзая, вас проведут красивые праздничные плакаты, сделанные молодыми мастерами. Там город расписывает о своих художниках, о том, что они живут одной жизнью с народом, с любовью кустуза и что их собственное искусство обращено к народу.

Пожалуй, не нужно убеждать читателей в том, что молодые художники Вирте Жилите и Альсирюс Степанавичюс, кроме мастерства, обладают фантазией. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на рисунки, которые лежат перед нами. Они представляют собой лишь небольшую часть серии рисунков, которые лежат в основу росписи нового кафе в Вильнюсе.

Индекс 708/20

Цена номера 20 коп.